Проф. П. Н. Сакулин.

РЕФОРМА
РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ.

ИЗД. „ПАРУС“ ПТГ.
1917 г.

Проф. П. Н. Сакулин.

РЕФОРМА РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ.

ИЗД. „ПАРУС“ ПТГ.
1918.

Реформа русского правописания.

(Посвящается памяти акад. Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА).

Россия — накануне большой орфографической реформы. С осени 1917 г. она вводится в школах, но, разумеется, каждый пишущий заинтересован в ней. Толков и было и будет очень много.

Нужно однако сказать правду: каждый из нас охотно берется судить о правописании, но редко кто обладает действительно правильным представлением об этом вопросе. Часто вполне образованные люди и даже писатели рассуждают тут, как рядовые обыватели. Притом оказывается непримиримых консерваторов больше, чем в какой-либо другой области. Люди не побоялись произвести целый политический переворот, но в них может недостать революционной смелости на ниспровержение одного самодержавного ятя. Это — психологическая загадка. Разгадать ее, впрочем, не так трудно. Каждый грамотный человек — раб орфографических привычек, а привычка — вторая натура. С другой стороны, в глазах большинства правописание окружено особым ореолом научной неприкосновенности: недаром это — п р а в о писание. Недостаток специальных знаний делает человека чересчур доверчивым к авторитету „грамматики" и робким перед всякими новшествами в этой сфере. Нас начинает тревожить целый ряд сомнений: зачем нужна ломка привычного правописания? не потеряем-ли мы столь дорого добытой нами грамотности? не причиним-ли мы ущерба самому языку русскому, тому языку, на котором писали Пушкин и Толстой, о котором Тургенев сказал то-то и то-то? не понизится ли уровень нашей и без того слабой культуры? и т. п.

В настоящей работе мне и хотелось бы дать посильный ответ на подобные вопросы.

I.

Русское правописание и его история.

Письмо служит для передачи устной речи. Русский язык распадается на несколько наречий и говоров. Наше правописание приноровлено к общерусскому литературному языку и представляет систему, обязательную для всех пишущих. Эта обязательность необходима: иначе чтение было бы для нас крайне затруднительным. Мы не можем быстро читать писем малограмотных людей, потому, что в них нарушается общепринятая система правописания, и часто одно и то же слово пишется по-разному. Если же перед нами рукопись или книга с обычной и выдержанной орфографией, мы сразу узнаём знакомые слова, и чтение становится для нас легким [1]). Значит, интересы читателей требуют, чтобы правописание было единообразным и общим для всех, кто пользуется данным языком. Единообразие это будет достигнуто, если в основе орфографии лежат определенные и обязательные принципы.

Первое и самое естественное условие письма это — соответствие букв звукам живого языка. Такой принцип мы называем фонетическим. Язык богат звуками и особенно их оттенками. Ученые для своих специальных целей стараются с возможной точностью определить качество звуков. Не довольствуясь показаниями уха, они прибегают к помощи специальных инструментов (т. н. экспериментальная фонетика).

---

[1]) Кого интересует научное объяснение процесса чтения, тому можно перекомендовать следующее: 1) Ал. Трошинъ. Психологическія основы процесса чтенія. Спб. 1900. Изложены результаты ученых исследований Эрдманна и Доджа („Psychologische Untersuchungen über das Lesen auf experimenteller Grundlage". Halle. 1898). — 2) Проф. Мейманъ. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Ч. III. Лекція XIV.

Для передачи на письме всех звуковых оттенков уже недостаточно обычной азбуки: придумывают различные новые знаки. Такое письмо есть научно-фонетическая транскрипция. Для общего употребления она, конечно, непригодна: от каждого из нас можно требовать только одного, чтобы мы улавливали ухом основные звуки слов и умели передавать их по определенной азбучной системе.

Кроме принципа фонетического, правописание принимает во внимание этимологический строй языка, т. е. родство слов по происхождению и законы изменения слов (склонения и спряжения). Напр., хотя мы произносим „вада", но пишем „вода", потому что в форме „воды" мы ясно слышим О, как основной для этого слова звук; раз мы написали, по выговору, „умыть", то надо писать и „умыться", хотя последняя форма звучит у нас совсем иначе и т. д. Этимологический [1]) принцип — очень важен: он придает орфографии необходимую устойчивость.

Нельзя было бы построить наше правописание исключительно на одном из названных принципов. Свободно-фонетическое письмо („пиши, как говоришь") придало бы нашей орфографии самую причудливую пестроту: об единообразии нечего и помышлять. Но по существу звуковая (фонетическая) сторона правописания является основной. Необходимым коррективом служит принцип этимологический. Достоинство письма зависит от того, как скомбинированы между собою эти начала. Если бы современное правописание, действительно, находилось в должном согласии с звуковым составом и этимологическим строем живого литературного языка, — намъ нечего было бы и хлопотать о каких-либо переменах. Но этого как раз и нет.

Русское правописание имеет весьма сложную и запутанную историю.

Начать с того, что, когда у нас впервые появилась письменность, мы принуждены были воспользоваться чужой азбукой, именно той, которая в IX веке была изобретена

[1]) Стану употреблять этот термин, как более распространенный, хотя наука различает этимологию (словопроизводство) и морфологию (учение о флексии) или же объединяет эти явления термином „морфология".

св. Кириллом для одного из болгарских наречий. Это наречие было родственным древнерусскому языку, но не было его предком. Заимствованная азбука во многих отношениях была для нас подходящей, но далеко не во всех. Русским книжникам было не под силу произвести самостоятельную реформу азбуки, и неизбежное ее приспособление к живому языку происходило случайно и бессистемно.

Итак, с самого начала наша азбука не была совершенною. С течением времени ее недостатки становились все более и более ощутительными.

Русский язык жил по своим собственным законам; развивался в живом употреблении говорящих; некоторые звуки и формы претерпевали изменения, порою весьма существенные. А письмо, как нечто условное и косное, не поспевало за речью. В языке, напр., давно уже не было особого звука ѣ или ъ, а буквы ѣ и ъ продолжали писаться. Таким путем в азбуке накопились мертвые, лишние знаки.

Немало, затем, усложнилось положение дела вследствие неудачного вмешательства грамотеев. Я не говорю уже об отдельных случаях, когда книжники, помимо своей воли, в силу подражания друг другу, узаконяли какую-нибудь орфографическую „ошибку", подчиняясь или произношению (вопреки этимологии) или удобствам письма. Не раз делались также сознательные попытки вводить известные правила.

В древнем периоде таким моментом был XV век, когда с новой силой сказалось югославянское влияние. Русский литературный язык к этому времени достиг уже достаточной степени зрелости, но правописание далеко еще не имело систематического вида. Оно нуждалось в упорядочении, и, конечно, тому, кто взял бы на себя эту задачу, следовало бы исходить из данных живого русского языка, а не старославянского. Ведь русский язык не произошел от старославянского и, хотя испытал на себе влияние его письменности, но существовал сам по себе. Юго-славянские же книжники, пользуясь своим авторитетом, повернули дело в другую сторону: за норму правописания они взяли именно славянскую орфографию и ввели в постоянный обиход русского письма такие начертания, как — ***аго*** в род. п. ед. ч. имен прилагательных (вместо чисто русскаго — ***ого***), ***ея*** в род.

п. ед. ч. ж. р. личного местоимения (вместо русского *ея*), окончание прилагательных мн. ч. — *ыя* (из ыѧ) рядом с русским — *ые* (*ыѣ*) и т. п.; установили также правило об употреблении *і*. Вот почему акад. А. А. Шахматов имел основание выразиться, что нововведения писателей XV в. придали нашему правописанию „искусственную, не национальную оболочку". Это была не живая этимология, а книжная, искусственная.

В дальнейшем правописание продолжало подвергаться частичным изменениям. В начале XVIII в. Петр I среди других своих начинаний занялся и преобразованием азбуки, желая упростить ее и сообщить ей более русский и более светский облик. Реформа однако не была особенно последовательной. В XVIII веке наука о русском языке вообще была еще в зачаточном состоянии, и неудивительно, что писатели этого времени и даже сам Ломоносов, гениальный ученый и прекрасный знаток живой речи, в своих рассуждениях о правописании часто стояли на ложном пути. Между прочим господствовавшую тогда теорию о высоком и низком штилях литературного языка они охотно распространяли и на правописание. Так, Ломоносов находил, что в род. п. ед. ч. личного местоимения „ее въ просторѣчіи, ея въ штилѣ употреблять пристойнѣе". А то просто скажет, что одно написание „приличнѣе" или „лутче", чем другое. К этой ранней эпохе в истории нашей науки относятся многие условные правила, которым однако грамматики придали впоследствии характер чего-то научного и обязательного.

Составители школьных грамматик в XIX в., как, напр., известный Греч, с своей стороны, постарались облечь русский язык „в тот самый иноземный орфографический мундир, в котором мы его застаем, правда, уже с прорехами и заплатами", как выразился акад. А. А. Шахматов [1]).

Последняя по времени реформа, связанная с именем покойного академика, Я. К. Грота, дала кое-что полезное, но во многом и ухудшила положение вопроса.

Таким образом, современное русское правописание хранит на себе следы нескольких исторических наслоений; основные его принципы (фонетический и этимологический) затемнены

[1]) Русь, 1904, № 147.

разными примесями. Оттого наша орфография полна противоречий, необоснованных правил и часто расходится с очевидными фактами живой литературной речи [1]).

II.

Правописание и школа.

Указанные недостатки русской орфографии чувствуются, конечно, каждым пишущим, но особенно отчетливо сознаются они теми, кто обучает детей грамоте и правописанию. На каждом шагу учитель убеждается в том, что усвоение т. н. грамотного письма — дело весьма трудное, что на эту работу приходится затрачивать значительную часть времени, особенно в низшей школе.

Историк московской городской школы, М. П. Щепкин, с неопровержимыми данными в руках доказал, что обучение русскому правописанию мешает городской школе развернуть общеобразовательную часть программы, если даже все прочие условия благоприятствуют этому. В благородном негодовании он называл грамматику с ее „орфографическими тонкостями" злым духом начальных училищ [2]).

В конце 90-х годов московское земство организовало школьную анкету. По ее данным орфографические упражнения отнимают около 12 уроков в неделю, тогда как на чтение (включая сюда чтение по естествознанию, истории и географии) в старшем отделении приходится всего три урока, на письменное изложение — только один урок [3]).

---

[1]) Важнейшая литература вопроса: Д. Н. Ушаковъ, прив.-доцентъ Моск. унив. Русское правописаніе. Очеркъ его происхожденія, отношенія его къ языку и вопроса о его реформѣ. Изд. 2-е. М. 1917. ц. 1 р. — К. Житомірскій. Молохъ XX вѣка (Правописаніе). М. 1915. Ц. 1 р.

[2]) Общественное хозяйство г. Москвы. Народное образованіе въ 1863 — 1898 годахъ. Ч. IV. Вып. 1-й. Составилъ М. П. Щепкинъ. Изданіе М. Гор. Думы. М. 1901 г. — Доклад М. П. Щепкина в „Р. Вѣд." за 1901 г., № 23. — Ср. также „Отчетъ о состояніи городскихъ начальныхъ училищъ, учрежденныхъ Московскою Городскою Думою, за 1898 — 99 уч. г."

[3]) В. П. Вахтеровъ, На первой ступени обученія. М. 1912. XI изданіе. Стр. 139.

На общеземском съезде по народному образованию, который происходил в Москве в 1911 г., были доложены результаты всероссийской анкеты, произведенной среди 13 тысяч народных учителей и учительниц. В числе пунктов были и вопросы о правописании. Из полученных ответов видно, что добрая половина учебного времени уходит на правописание. Вот несколько типичныхъ мнений. „На бесплодное заучивание грамматики и правописания приходится тратить почти половину трехлетнего курса сельской школы". „Буква Ѣ нас замучила". „Буква Ѣ отнимает половину учебного года и всё-же ученики, выйдя из школы, скоро забывают правописание этой буквы". „Особенно много времени затрачивается на букву Ѣ, и благодаря этому некоторые дети малороссы получают отвращение к русскому языку" [1].

Сообщая эти и подобные данные анкеты, С. В. Сперанский приглашал всех разумных людей „поднять протест против дальнейшего господствования в русской народной школе этих пустых идолов, поддерживаемых исключительно экзаменационным террором. Пусть земцы, как люди практической жизни, подсчитают, сколько миллионов земских денег уходит ежегодно на бесплодные попытки внедрения буквы Ѣ в головы крестьянских ребятишек. Но и это ежегодное бесцельное бросание земскихъ денег — ничто в сравнении с той потерей, которую несет вся страна от задержки, в силу педагогического недомыслия, того культурного подъема, одним из могучих источников которого призвана быть народная школа" [2].

Показания общеземской анкеты настолько авторитетны, что ими одними можно бы вполне ограничиться. Но нельзя не привести мнения одного из опытных и образованных учителей столицы, а также нескольких строк из письма сельского учителя. В. И. Чернышев, хорошо известный своими педагогическими работами и исследованиями по русской диалектологии,

---

[1]) Поучительно для тех, кто защищает букву Ѣ ссылкой именно на украинцев. — На Первом Всеросс. Съезде по вопросам народного образования в 1913—14 г. в Петербурге также слышались заявления, что буква Ѣ отнимает 40% учебного времени.

[2]) Сергѣй Сперанскій. Народная школа въ рабствѣ у буквы Ѣ. Р Вѣд., 1911 г., № 190, от 19 авг.

более 25 лет преподавал в Петрограде детям „элементарную грамотность". И вот его горестный итог: „Усилия учащих вкоренить в детях современную орфографию являются почти бесплодными. Первые шесть или семь лет обучения (начальная школа и следующая за ней городская или, по старому, уездная) не достаточны для того, чтобы сделать к концу курса наших учеников вполне грамотными в орфографическом смысле... Неуспех обучения правописанию в низшей школе печален особенно потому, что эта школа во многих случаях ставит орфографию главной и часто единственной целью обучения родному языку... Усиленные занятия правописанием не действуют благотворно на умственное развитие детей и на уменье их владеть родною речью в разговоре и письме" [1]).

Письмо сельского учителя, которое в 1904 г. было получено президентом Академии Наук, дышит искренностию и глубоким чувством. „Мне хотелось послужить народу, в чем нужду его считал самой вопиющей", говорит учитель: „Это дело давало мне много духовных радостей, но радости всегда были отравлены значительной долей горечи... Часто мои стремления были только мучительными порывами и достигали разве половины желаемого, так как учебное время коротко, оффициальную программу нужно было выполнить, а масса времени уходила на обучение правописанию; и в конце концов окончивший ученик некоторое время по окончании школы знал его, потомъ забывал, а в духовном своем развитии мало отличался от непосещавшего школу, почти также был беспомощен в отыскании или улучшении средств существования... Нынешнее правописание тормозит народное просвещение, как тормозило крепостное право развитие России" [2]).

Отчасти справедливо, конечно, замечание того же лица, что учителя гимназии „представляют себе не вполне ясно те труды, которые ученики несут при усвоении правописания (большинство учеников там имеют репетиторов)", но и средняя школа осязательно испытывает тяготу „орфографической

---

[1]) В. Чернышевъ. Упрощеніе русскаго правописанія. Изд. 2-е (1912), стр. 94. Изд. 1-е (1905), стр. 72 — 73.

[2]) Протоколъ перваго засѣданія комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, состоявшагося 12 апрѣля 1904 г. Спб. 1905. Стр. 58 – 60.

повинности", как выражался покойный московский педагог, Вл. П. Шереметевский.

По вычислениям г. Соболева, для занятий исключительно орфографическими упражнениями, нужно minimum 1000 уроков, или около 5 лет, считая по одному уроку в день, а также считая 32 учебных недели в году [1]). И в средней школе обычное положение вещей таково, что в младших классах занятия правописанием отнимают львиную долю времени. Даже в средних и старших классах иногда назначаются дополнительные часы для укрепления грамотности.

В погоне за орфографией приходится жертвовать интересами самого русского языка и литературы. „Из-за орфографии", справедливо жалуется один педагог, „все остальные, наиболее важные и полезные стороны изучения родного языка или отодвинуты на задний план, или вовсе исчезли из школьной практики. Родной язык, орудие мысли, нравственного и эстетического развития, изъ-за орфографии зачастую превращается в орудие преступления для учащихся, в орудие пытки и для тех, кто учится, и для тех, кто учит. Уроки родного языка, которые должны бы вводить ученика в сокровищницу нашей литературы, поселять в его душе любовь к ней и вместе ко всему высокому и прекрасному, вводят его в непроходимые дебри и зыбучие болота нашей грамматики и нередко навсегда поселяют в нем отвращение к книге вообще". „Искусство писать должно служить орудием для возможно широкого распространения просвещения. Наша система письма превратилась в тормоз, задерживающий доступ к свету для весьма многих, стремящихся к нему [2])".

Хуже всего то, что и ближайшая цель достигается с трудом.

---

[1]) А. Соболевъ. Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію. Р. Школа, 1900, № 6, стр. 258.

[2]) М. С-овъ. Объ „укрощеніи строптивой". Для народнаго учителя, 1907, книжка 9; стр. 9, 12. — Это признаёт отчасти и проф. Томсон („Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его", 148). — См. также в статье Вл. А. Трофимова „К вопросу о реформе правописания" (журн. „Учитель и Школа", 1914, апр., № 7, стр. 17 и сл.). Господствующая постановка преподавания, пишет он, „совершенно лишает грамматику внутреннего лингвистического содержания и тем самым приводит к полному отожествлению грамматики, т. е. фактов языка, с орфографией, т. е. с фактами письма".

В 1889 г. Отделение преподавателей р. языка Педагогического Общества, состоявшего при московском университете, произвело систематическое обследование грамотности в средних учебных заведениях, и выяснилось, что не только в IV классе, как того требуют программы, но и в VII классе полная грамотность не достигается [1]).

Можно было бы без труда привести множество подобных свидетельств, относящихся как к средней, так особенно к начальной школе [2]).

Какие же выводы вытекают из этих печальных фактов?

Учебное начальство всегда делало один и тот же вывод — продолжало неукоснительно требовать полной грамотности от учащихся. По „объяснительной записке" 90-х годов к гимназическим программам, ученики IV кл. „не должны погрешать против правил орфографии. Могут быть терпимы ошибки в употреблении знаков препинания, в иностранных словах или в собственных именах и в тех редких случаях, в которых правописание еще не может быть признано установившимся". Выпускные сочинения гимназистов и реалистов

---

[1]) И. П. Казанскій. Итоги опыта изслѣдованія грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Вопросы воспитанія и обученія. Труды Московск. Педагогич. Общества. Вып. I. 1901 г.

[2]) А. П. Флеровъ. Родной языкъ въ школѣ и зло современнаго правописанія. Педагогич. Сборникъ, издав. при Главн. упр. в.-уч. завед. 1903 г., сент., окт. и особенно ноябрь. — Ср. интересные соображения г. Житомирского въ книге „Молохъ XX вѣка" (гл. IX „Правописание с педагогической точки зрения"). Наше правописание, по его словам, „является сильным тормозом для экстенсивности образования"; с другой стороны, оно „мешает изучать законы нашего языка и законы языка вообще".—Также стр. 64-65, 86-7, 216-218, 253-7.— Отмечу еще статьи Вл. А. Трофимова „Основные положения реформы правописания" (журн. „Учитель и Школа", 1914, ноябрь, № 21-22) и „К вопросу о реформе правописания" (ib. 1914, апр., № 7).—Оставляем на совести проф. Томсона следующие его слова („Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 20): „Есть и болѣе свѣдующіе въ педагогикѣ, которые только улыбаются, когда рѣчь идетъ объ орфографическомъ бѣдствіи въ средней школѣ. У такихъ учителей ученики пишутъ грамотно, или почти грамотно, безъ всякихъ слезъ. Сами инициаторы реформы знаютъ прекрасно, что такой безграмотности и такого орфографическаго бѣдствія, какое изображается въ реформенной литературѣ, нигдѣ ни существуетъ въ русскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ". Не смею отрицать существования „улыбающихся" педагогов, но от замечания по адресу „инициаторов реформы" проф. Томсону лучше было бы воздержаться.

«оцениваются преимущественно со стороны орфографии, и достаточно двух — трех грубых ошибок, чтобы молодой человек лишился своего права на получение аттестата.

То же явление наблюдается и в начальной школе. „Правописание у большинства экзаминаторов", жаловались во всероссийской анкете 1911 года, „служит главным показателем успехов школы: ученик неудовлетворительно написавший диктант, лишается возможности держать испытания по остальным предметам" [1]).

Это не значит, что начальство всех рангов и оффициальные экзаминаторы не понимали, как съуживаются задачи школы, принужденной дрессировать учащихся в одном, чисто формальном направлении. Но общий дух учебного ведомства был таков, что формализм возводился в догму: излишнее расширение учебной программы, стремление развивать учащихся — вменялись школе в вину и открыто преследовались. Недаром учащие склонны подозревать, что как в свое время классицизм, так и грамматический формализм на уроках русского языка культивируется вполне сознательно, чтобы по возможности обезвредить зло образования [2]).

Справедливость однако требует сказать, что существующий порядок вещей защищают иногда люди, которых нельзя причислить к обскурантам, которые ссылаются при этом на педагогические идеалы. Так, проф. А. И. Томсон, полагая, что вообще „бѣдствіе орфографіи, особенно у насъ, нужно считать въ значительной степени преувеличеннымъ", писал: „не та школа лучшая, которая облегчаетъ всякій трудъ, а

[1]) Сергѣй Сперанскій. Народная школа въ рабствѣ у буквы Ѣ. Р. Вѣд., 1911 г., № 190, от 19 авг.

[2]) Эту мысль совершенно определенно высказал в письме ко мне (в 1910 г.) один провинциальный учитель городского училища. О противниках орфографической реформы он говорил: „Главное въ орфографіи, чѣмъ они больше всего дорожатъ, это ея затемняющее качество. Орфографія въ ея геперешнемъ видѣ... дешевое и сильно дѣйствующее средство — куда сильнѣе классическихъ языковъ". — Вл. А. Трофимов также доказывает, что наша орфография играет „роль сильного тормоза просвещения", и что „классовое правительство, считающее учителя проводником своих предначертаний, очень заинтересовано в этой роли орфографии". („Основные положения реформы правописания" в журн. „Учитель и Школа", 1914, ноябрь, № 21-22, стр. 4).

та, которая разумно закаливаетъ и подготовляетъ наибольшую трудоспособность" [1]).

Никто из педагогов, конечно, не станет оспаривать самого принципа, но в данном случае он просто неуместен: труд усвоения неразумной и потому малопригодной орфографии не может разумно закаливать трудоспособность учащихся.

Человек, искренно преданный интересам народного просвещения, не может не задуматься над вопросом, где же истинный выход из положения.

Конечно, можно бы просить начальство об известном снисхождении, ходатайствовать перед кем следует, чтобы по крайней мере от учащихся низших школ не требовали столь сурово орфографической грамотности.

Думало об этом между прочим и московское Педагогическое Общество. Указывают на это и методики (напр., проф. Н. К. Кульмана [2]). Но такое решение вопроса справедливо не удовлетворяет самих учителей, особенно если эта милость распространяется только на начальную школу. „Нельзя создать два правописания — для народа и для интеллигенции", говорил сельский учитель в письме к президенту Академии Наук [3]). И это — глубоко верная мысль. Некоторые и сейчас думают, что можно, пожалуй, „упростить" орфографию, но это правописание „попроще", правописание второго сорта, надо ввести в низшей школе, а в средней школе и вообще для господ оставить прежнюю, что потруднее, но зато пограмотнее. Нет, понятие грамотности должно быть одно для всех; орфография может быть только общей для всей страны.

[1]) Проф. А. И. Томсонъ. Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его. Одесса. 1903. Стр. 124, 151.—Его же, „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію". Одесса 1904. Стр. 17.—То же соображение недавно было повторено И. Н. Игнатовым. Статья „По поводу одной смерти". Р. Вѣд. 1917, № 114, от 23 мая.

[2]) Против этого ничего не имеет и проф. Томсон („Къ теоріи", стр. 118, 144—150. „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 19). Ср. также у В. И. Попова в статье „Проектъ упрощенія русскаго правописанія" (отдельно и в журн. „Родной языкъ въ школѣ", 1916, №№ 2 и 3).

[3]) „Протоколъ перваго засѣданія комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи", стр. 59.

Уважение к достоинству народа требует, чтобы мы не бросали ему объедков со стола нашей культуры, а давали лучшие знания. И „упрощение", о котором мы говорим, вовсе не есть правописание второго сорта, как читатель убедится в этом из дальнейшего изложения.

Во-вторых, слабые орфографические успехи учащихся можно бы приписать несовершенству самих методов обучения. Конечно, в этом есть своя доля правды, и педагоги давно уже усиленно разрабатывают вопрос о наиболее целесообразных способах обучения правописанию. Но чем больше трудятся они над разрешением этой задачи, тем больше убеждаются, что одной методикой беды не поправишь. Одесский проф. А. И. Томсон, единственный оппонент, который выступил против орфографической реформы с обстоятельной аргументацией, усиленно и не раз доказывал, что „необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія" [1]). Многие соображения проф. Томсона имеют несомненную педагогическую цену, хотя лица, знакомые с новейшими методиками, не найдут здесь для себя никаких откровений. („Съ педагогической литературой правописанія я мало знакомъ", признается сам автор брошюры „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 34). Но главное здесь то, что основной тезис проф. Томсона является в высшей степени спорным. В последней своей брошюре он снова утверждает (стр. 6): „Реформисты сами знаютъ, что преподаваніе правописанія ведется часто крайне нераціонально. Школа сама создаетъ школьное бѣдствіе по правописанію. При правильной постановкѣ усвоеніе правописанія въ средней школѣ даже

[1]) Ал. И. Томсонъ, орд. профессоръ Новороссійскаго университета. „Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія", Одесса, 1903. — Его же. „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію". Одесса, 1904. — Его же. „Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія". Одесса, 1905. — Сочувственное изложение первой книги проф. Томсона дано проф. В. Н. Щепкиным в „Русск. Вѣд.", 1904, №№ 267 и 281.— На основании своих наблюдений проф. В. А. Богородицкий также отрицает „трудности обученія орфографіи" и полагает, что „все дѣло сводится къ улучшенію способовъ обученія орфографіи и къ переоцѣнкѣ важности нѣкоторыхъ орфографическихъ ошибокъ". („Общій курсъ русской грамматики", изд. 3-е, 1911 г., стр. 41, прим.).

учебнымъ предметомъ считаться не можетъ. Правописаніе должно усваиваться въ ней такъ же попутно, какъ усваивается правильное употребленіе родного языка. А въ начальной школѣ правописаніе конечно предметъ первостепенной важности... [1]) Съ правописаніемъ открывается цѣлый новый духовный міръ; развиваются новые психическіе нервные центры, устанавливается цѣлая система новыхъ ассоціативныхъ путей въ мозгу, и такимъ образомъ, являются новыя орудія мышленія — новые знаки мысли, рядомъ съ устнымъ языкомъ".

Последний тезис, разумеется, вполне справедлив. Но из него вовсе не вытекает вывод, что необходимо держаться за старое правописание, каково бы оно ни было. Не очевидно ли, что ожидаемые результаты будут достигнуты легче и прочнее, если самые орудия будут более совершенны? „Реформисты" к этому именно и стремятся, в сознании, что нынешняя орфография полна вопиющих недостатков. Действительно, все знают, что „преподаваніе правописанія ведется часто крайне нераціонально". Но „реформисты" думают, что нельзя один вопрос подменять другим. На это и было указано проф. Томсону упомянутым выше В. И. Чернышевым, учителем Г. С. Михайловым-Мучкиным, мною и другими [2]). Г. С. Михайлов-Мучкин, по его словам, в некоторых частях своего очерка идет „вслед за проф. А. И. Томсоном, всюду однако приходя, при внимательном и непредубежденном пересмотре фактов, к противоположным выводам — к признанию крайней нужды в реформе грамоты". Школа, говорит он, „придумывает всё новые и новые способы для обучения грамотному письму. Но результатов, мало-мальски удовлетворительных, всё нет как нет". Поэтому проф. Томсону

---

[1]) Ср. то же самое в брошюре „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 21.

[2]) В. И. Чернышев в рецензии на книгу проф. А. И. Томсона „Къ теоріи правописанія" — в Ж. М. Н. Пр. 1903, окт. — Ответ проф. Томсона в брошюре „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію". — Учит. Г. С. Михайлов-Мучкин. Совершенствование русской грамоты и правописания — в теоретическом обосновании и практическом решении вопроса. Одесса 1905. — Я возражал проф. А. И. Томсону в статье „Вопросъ объ упрощеніи русской орфографіи" — Вѣстн. Воспитанія, 1904, № 6. — См. еще в книге Д. Н. Ушакова „Русское правописаніе" (2-е изд. М. 1917), гл. VIII).

нечего жаловаться, что его голос „остается въ значительной степени вопіющимъ въ пустынѣ“ [1]).

С оригинальным предложением не так давно выступил г. Житомирский. [2]) В своей очень интересной книге он подверг основательной и порою остроумной критике наше правописание, стремясь лишить орфографию „ложного ореола научности“ и доказать, что это не бог, а истукан, Молох, который ненасытно поглощает детские жертвы. Нужно освободиться от этого идолопоклонства. „Книга и письмо должны служить живому богу Истины и Красоты, духу, а не идолу. Вредно не правописание, а поклонение ему, нарочитое его насаждение... Оно станет безвредным при неограниченной орфографической свободе.... Школа и печать должны провозгласить свободу орфографии. Школа должна перестать обучать орфографии, а печать справляться в орфографических словарях“ (228). Автор доказывает, что от такой свободы орфография ничего не проиграет, а, наоборот, выиграет. А, главное, исчезнет ее одиозная репутация Молоха.

Идея г. Житомирского заслуживает внимания, особенно со стороны тех, кто из обучения правописанию делает настоящий культ. Но ведь все-же научиться общепринятой орфографии необходимо. Будет ли достигнута эта цель учащимися, если они будут предоставлены почти исключительно самим себе, и школа откажет им в своей систематической помощи? Тут дело не в „озорниках“, а в том, что дети не могут совершенно механически усваивать письма; учить все-таки придется. — Кроме того, отчасти можно опасаться, что провозглашение неограниченной свободы нарушит устойчивость и единообразие орфографии, т. е. те свойства, которые мы все считаем весьма ценными в ней.

Наконец, свобода — свободой, а реформа — реформой.

Нет никакой надобности убеждать г. Житомирского в том, что наше правописание полно недостатков. Он даже предупреждает своих читателей, чтобы его не приняли „за

[1]) Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія“. Стр. 6. — Кстати можно отметить интересную работу И. Т. Костина „Правописаніе и экспериментальная психологія“ (М. 1912).

[2]) К. Житомірскій. Молохъ XX вѣка (правописание). М. 1915.

принципиального противника коренной реформы правописания". „Напротив", утверждает он, „коренная реформа, именно теперь, когда сумбур, незакономерно создавшийся, достиг своего апогея, была бы большим благодеянием для нашего языка и особенно для нашей школы" (240). Г. Житомирский только скептик: он сомневается, чтобы такая реформа удалась. Практичнее, по его мнению, изменить наше общее отношение к орфографии, тем более что при „неограниченной свободе" частичные реформы будут делаться сами собою. Это, впрочем, не помешало г. Житомирскому выступить с собственным „проектом коренной реформы правописания" (стр. 242 и сл.), даже в предположении, „что реформа будет произведена в ближайшем будущем" (228—9).

Оставим пока в стороне вопрос об осуществимости орфографической реформы. Необходимость и важность самой реформы очевидно отрицать трудно. И вот в педагогической среде возникает и постепенно зреет мысль о безусловной желательности реформировать русское правописание в смысле его научного „упрощения".

III.

История орфографической реформы.

В социально-политическом отношении переживаемое нами время может вести свое начало с 60-х годов XIX века. Знаменательно, что не прошло и года со времени опубликования манифеста 19-го февраля, как лучшие русские педагоги почувствовали потребность в постановке и разрешении именно орфографического вопроса. Раскрепощение страны по логике вещей влечет за собой раскрепощение школы. В марте 1862 г. в Петербурге происходили орфографические собрания по инициативе В. Я. Стоюнина, при участии П. М. Перевлесского, І. И. Паульсона, В. Ф. Кеневича и др. Между прочим большинство членов собрания высказалось за исключение „лишних" букв. Крупных практических результатов от этих совещаний не последовало: ведь „эпоха великих

реформ" далеко не была сплошным праздником свободы; как раз с 1862 г. начинается период борьбы за общегражданские и народные права; борьба эта принимает всё более и более революционный характер, по мере того как усиливается общественная и правительственная реакция. Орфографические собрания как-то внезапно прервались на восьмом заседании, хотя педагоги не могли пожаловаться на недостаток общественного внимания. Я. К. Грот писал тогда („Современная Лѣтопись", 1862, № 28): „Посреди важных вопросов, занимающих наше общество, совестно было бы беседовать с читателями об орфографии, еслиб и этот скромный предмет не удостоился обратить на себя почти общее внимание. Впрочем, такое неожиданно выпавшее на его долю счастие доказывает, что ничто, относящееся к родному языку, не лишено интереса для образованной части нации" [1]).

После этой, в своем роде замечательной попытки отдельные лица не переставали выступать с орфографическими проектами. В виду оффициального положения автора, особое значение приобрел труд акад. Я. К. Грота „Русское правописание" (1-е издание в 1885 г.). Хотя без достаточных формальных оснований, но руководство Грота было объявлено академическим и общеобязательным. Только в 1904 г. Академия прямо отвергла свою унию с Гротом [2]). Заслуга Грота однако состояла в том, что он дал новый толчок для пересмотра нашей орфографии. Одним из первых принял вызов талантливый московский педагог, Вл. П. Шереметевский [3]). Его преемник по председательствованию в Комиссии преподавателей русского языка при Учебном Отделе

---

[1]) Цитирую по книге В. И. Чернышева: „Упрощеніе русскаго правописанія" (Изд. 2-е, Спб. 1912. Стр. 34).

[2]) Несмотря на категорические заявления самого Грота, Академия отказывается считать его руководство „академическимъ". „Протоколъ перваго засѣданія комиссіи по вопросу о р. правописаніи", стр. 3—8.

[3]) Его брошюра 1891 г.: „Къ вопросу объ единообразіи въ орфографіи по поводу академическаго руководства „Русское правописаніе" (см. также въ его „Сочиненіяхъ"). Ср. еще его реферат 1883 г. „Объ орфографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементариомъ, въ особенности" (в „Сочиненіяхъ").

Общества распространения технич. знаний, С. Гр. Смирнов в программу занятий Комиссии на 1895 г. уже прямо включил „вопрос о ходатайстве перед академией наук об упрощении русского правописания и об отмене обязательного следования руководству Я. К. Грота".

Дальнейшее и притом плодотворное движение вопрос получил однако лишь в Педагогическом Обществе, которое вскоре возникло при московском университете.

После доклада проф. Р. Ф. Брандта „О лженаучности русского правописания"[1]), Отделение преподавателей русского языка и словесности П. О-ва образовало специальную комиссию, которая работала в составе следующих лиц: Н. Г. Бажанова, проф. Р. Ф. Брандта, И. П. Казанского, П. Н. Сакулина, С. Гр. Смирнова и проф. Ф. Ф. Фортунатова. Доклад комиссии (составленный мною) был обсужден и утвержден Обществом в мае 1901 г.[2]). Тотчас же возбуждено было оффициальное ходатайство перед министерством народного просвещения о созыве большой комиссии из компетентных лиц для рассмотрения проекта. 13 февраля 1903 г. был получен ответ, что сие — „неблаговременно". Стороной до нас доходили слухи, что одна высокопоставленная особа усмотрела в орфографическом проекте революционный акт, посягающий на язык, который в качестве важного элемента народности вместе с православием и самодержавием составляет основу нашего государственного бытия. В этом смысле был сделан доклад государю, и запрошена Академия Наук. Последняя не поддержала высказанных опасений. Сановник, видимо, предчувствовал наступление событий 1905 — 6 гг.

Педагогическое Общество всегда было не на особенно хорошем счету у начальства. В 1905 г. оно принялось самостоятельно судить о положении школы, доказывая, что дело народного просвещения надлежащим образом может развиваться „только при обеспечении за каждым гражданином неотъемлемых прав свободной личности и при государственном

---

[1]) Напечатан в „Филол. Запискахъ", 1901 г., № 1 и 2.

[2]) Напечатан в издании: „Вопросы воспитания и обученія. Труды Педагог. Общества". Вып. I. М. 1901.

строе, основанном на широко демократическом народном представительстве". Точка зрения — явно неприемлемая для правительства, и Общество было закрыто [1]).

Проекту упрощения правописания, к счастию, суждено было пережить самое Общество, породившее его.

Как и следовало ожидать, идея упрощения правописания тотчас же нашла себе поддержку, во-первых, в аналогичных организациях (в Казани, в Одессе, в Петербурге, в Риге), во-вторых, на учительских съездах, происходивших в 1902 и 1903 гг. Отмечу III съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, происходивший въ Петербурге в 1903—4 гг. и преждевременно закрытый администрацией. В 1904 г. вопрос сразу получил новый поворот, весьма благоприятный для сторонников реформы.

Казанское Педагогическое Общество и Главное управление военно-учебных заведений почти одновременно обратились к Академии с вопросом, который, как мы видели, давно уже занимал и московское Педагогическое Общество, — именно, считает ли Академия руководство Грота своим и обязательным. Ответ последовал отрицательный. Мало того, Академия принципиально высказалась в пользу пересмотра русского правописания. Тотчас же при Академии была образована особая орфографическая комиссия под председательством президента Академии, в. кн. Константина Константиновича. 12 апреля 1904 г. состоялось первое и единственное собрание этой комиссии [2]). В нем приняли участие 50 лиц, представителей ученого, литературного, педагогического и административного мира. Комиссия единогласно признала желательным приступить к „упрощению" русского правописания. Большинством 42 голосов против 8 она санкционировала исключение из состава нашей азбуки т. н. лишних букв, к числу которых относилась и буква Ѣ [3]).

---

[1]) См. мою статью „Московское Педагогическое Общество въ 1905 году" — В. Восп., 1906 г., № 3.

[2]) Протоколъ перваго засѣданія комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, состоявшагося 12 апрѣля 1904 г. Спб. 1905.

[3]) За исключение буквы Ѣ, в частности, подано 34 голоса, за сохранение ее 15 голосов.

Разработка вопроса в частностях была поручена подкомиссии, избранной в составе следующих лиц: акад. Ф. Ф. Фортунатова (председателя), акад. Ф. Е. Корша, акад. А. И. Соболевского, акад. А. А. Шахматова, проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, проф. Р. Ф. Брандта и П. Н. Сакулина. Акад. А. И. Соболевский в скором времени вышел из подкомиссии [1]), и в ее работах стали принимать участие: проф. Е. Ф. Будде, проф. К. С. Булич, проф. Н. М. Каринский, проф. Н. К. Кульман и педагог В. И. Чернышев. В том же 1904 г. подкомиссия издала свое „Предварительное сообщение". События 1905—6 гг. прервали работу подкомиссии, но в ее портфель не переставали поступать многочисленные материалы, в виде дополнений, возражений и даже новых проектов. В 1912 г. подкомиссия выпустила свой проект в окончательной редакции под заглавием „Постановленія орфографической подкомиссіи". На этом и замерла работа подкомиссии и комиссии при Академии Наук [2]).

За стенами Академии однако интерес к орфографической реформе не только не угасал, но возростал с поразительной силой. Только действительно жизненная реформа может выдержать роковое испытание временем. Статьи, брошюры, книги — выходили одна за другой и притом в подавляющем большинстве случаев в защиту реформы. Не было, кажется, за эти 12—13 лет ни одного учительского съезда или учительских курсов, на которых не раздавались бы горячие речи о необходимости реформы и не принимались бы соответствующие резолюции. Взоры русского учительства с надеждой были прикованы к Петрограду, особенно к Академии. В резолюциях изредка упоминалось о ходатайстве перед министерством или в последние годы также перед Государственной Думой, но главное—Академия. В том же направлении

---

[1]) Судя однако по его статье, напечатанной в „Новом Времени", 1904, № 10104, от 20 мая, он не отказался от реформы. Я не говорю уже о „Лекциях" А. И. Соболевского, на которые так часто приходится ссылаться сторонникам реформы.

[2]) Интересующихся подробностями отсылаю к книжке В. И. Чернышева: „Упрощеніе русскаго правописанія. I. Современное состояніе русскаго правописанія. II. Историческій очеркъ вопроса объ его упрощеніи". Изд. 2-е. Спб. 1912.

высказывались и некоторые общественные организации. Нет никакой возможности перечислять сейчас все эти резолюции и ходатайства, но назвать некоторые необходимо, чтобы почувствовать этот напряженный голос русской общественности, твердо сознавшей важность и неотложность орфографической реформы [1]).

18 мая 1907 г. 300 депутатов Государственной Думы вошли в Академию Наук с заявлением, что они считают „вопрос упрощения русского правописания в высшей степени неотложным и насущным", и просят Академию „заняться этим вопросом, по возможности не откладывая его на слишком долгий срок". Аргументация, конечно, та самая, которой пользовались не раз педагоги, и которая не может не быть общей для всех нас: „сложность нашего правописания является значительным препятствием к распространению грамотности в народных массах"; „пора положить конец совершенно бесполезной затрате молодых сил и дорогого времени в преодолении трудностей правописания, которые часто для более слабых становятся непреодолимыми и служат преградой на их дальнейшем жизненном пути" [2]).

На общеземском Съезде по народному образованию, происходившем в Москве в 1911 г., постановлено „признать настоятельно необходимой скорейшую разработку Академией Наук вопроса об упрощении русского правописания" [3]).

Чрезвычайно многолюдный Первый Всероссийский Съезд по вопросам народного образования, происходивший въ Петрограде в 1913—14 гг., вынес ту же резолюцию, но осложненную новыми пунктами. А именно, Съезд находил желательным или необходимым: 1) „организовать на местах возможно широкую агитацию в пользу реформы"; 2) добиваться,

---

[1]) Эта справка может быть не бесполезна для проф. Томсона, аппелирующего к мнению „тѣхъ сотенъ педагоговъ, которые открещиваются отъ участія въ реформѣ, какъ отъ нехорошаго дѣла" („Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 15). Мало того, свой взгляд он любит выдавать за голос всего „общества" (напр., ib., стр. 27 дважды). Не преждевременно ли это?

[2]) Цитирую по журналу Общества счетоводов (Ф. В. Езерского) „Практическая жизнь", 1907 г., май, №№ 18—21-й.

[3]) Р. Вѣд. 1911 г., № 199, от 30 августа.

„чтобы повременная печать теперь же, не дожидаясь реформы орфографии, практически приступила к ее упрощению"; 3) „ходатайствовать о созыве всероссийского орфографического съезда для выяснения практических путей осуществления реформы"; 4) „обратиться к Государственной Думе с предложением взять на себя законодательную инициативу в этом деле"; 5) случаи, относительно которых имеется постановление орфографической подкомиссии Академии Наук, „не считать за ошибку при поверке успехов в письме в начальной школе" и 6) „отпечатать труды съезда без „ъ", а еще лучше и без „ѣ" [1]).

Судьба Первого Всероссийского Съезда по народному образованию была такова, что нечего было думать о „ходатайствах" оффициального характера и даже о печатании Трудов [2]). Но, конечно, этим обстоятельством нисколько не умаляется принципиальное значение принятых резолюций. Здесь характерно очевидное стремление от слов перейти, наконец, к делу, чем-нибудь проявить свою инициативу, не дожидаясь, пока орфографическая комиссия при Академии произнесет свое последнее слово. Нужно сказать правду, академическая комиссия порядком-таки истощала терпение всех, кто ждал реформы, и временами думалось, нельзя ли как нибудь обойтись без нее, тем более что подкомиссия свою теоретическую задачу давно уже выполнила. Но крепились: хотели, чтобы всё шло своим „законным порядком".

Пришлось попрежнему ограничиваться теоретической „агитацией". Впрочем, можно отметить два-три факта, когда новое правописание находило себе доступ в жизнь. Московское студенческое издательство, по совету со мною, некоторое время печатало лекции профессоров (напр., проф. Сербского по патологии и психиатрии) по реформированной орфографии. Петербургский кружок „Азбука" издал по новому правописанию „Легенды и настроения" П. Брюнелли и даже „Историю

---

[1]) С.-Петербургское Общество Грамотности. Организаціонный Комитетъ Съѣзда. Резолюціи 1-го Всеросс. Съѣзда по вопросамъ народнаго образованія съ 22 декабря 1913 г. по 3 января 1914 г. Спб. 1914.

[2]) Только в 1915 — 16 гг. стал возможен выход в свет Трудов этого Съезда. Пока отпечатаны выпуски I, II и IV.

Пугачевского бунта". Московский Кружок совместного воспитания и образования детей, заслушав мой доклад об упрощении правописания (18 апреля 1914 г.), постановил немедленно ввести новое правописание (по проекту академической подкомиссии 1912 г.) в повестках и изданиях Кружка, что̀, действительно, и было исполнено [1]).

→ На рождественских каникулах 1916—1917 гг. в Москве состоялся Первый Всероссийский Съезд преподавателей русского языка средней школы. Было более 2000 членов. Вопрос об орфографии не только был выдвинут, но и прошел с большим оживлением. Резолюции вотировались почти единогласно. Но нового, конечно, в них ничего не могло быть мысль, что „в интересах русской школы и всей русской культуры настоятельно необходима скорейшая реформа правописания", и—ряд ходатайств перед Академией, перед министерством нар. просвещения и перед Государственной Думой. Важно однако отметить второй пункт резолюции. Страна уже была поглощена заботами о войне; повидимому̀, некогда и думать о какой-то орфографии. Съезд однако полагал: „Тяжелые обстоятельства переживаемого нами времени не могут служить препятствием к осуществлению реформы, а, наоборот, требуют скорейшего устранения того, что̀ до сих пор мешало широкому развитию народного просвещения" [2]).

Съезд начал свои занятия с довольно прочными надеждами: министром был гр. П. Н. Игнатьев, шла общая реформа школы. Но уже через день по открытии было получено известие, что министром назначен реакционер Кульчицкий. Можно себе представить, в каком настроении Съезд голосовал свои постановления.

Тем не менее президиум должен был приводить в исполнение принятые резолюции. Ходатайство в Академию было

---

[1]) Р. Вѣд., 1914, № 90. В настоящее время Кружком издано с новой орфографией уже несколько десятков брошюр, в том числе книжка В. Г. Короленка „Падение царской власти" (в количестве 100 тысяч экземпляров). Сверх того, появилось несколько отдельных книг по новому правописанию: сборник стихов г. Павлова „В океане вдохновенія", рассказ М. Абезгуса „Марко Королевич", „Психология" д-ра Т. Д. Фаддеева и др.

[2]) Первый Всероссійскій Съѣздъ преподавателей русскаго языка средней школы въ Москвѣ 27 декабря 1916 г. — 4 января 1917 г. М. 1917.

направлено, а с министерством благоразумно выжидали (в Думе шла страстная политическая борьба).

Судьба реформы попрежнему оставалась проблематичной.

Великая русская революция, разрубив гордиев узел нашей государственности, смела с дороги все препоны для свободного развития страны. Охваченная гражданским порывом, Академия Наук решила отозваться на ходатайство Съезда и завершить давно начатую работу по упрощению правописания. 11-го мая 1917 г. состоялось орфографическое совещание, на которое были приглашены члены Комиссии 1904 г. и ряд новых лиц, главным образом представителей вновь возникших общественных организаций (напр., Всероссийского учительского союза). Заседание происходило под председательством академика А. А. Шахматова, в присутствии товарища министра нар. просв., О. П. Герасимова. На основании того, что было решено еще в Комиссии 1904 г. и что вошло в проект подкомиссии 1912 г., совещание выработало свои „постановления".

В первый раз за все эти 15-16 лет мы увидели, наконец на стороне орфографической реформы министерство нар. просвещения. Не теряя, действительно, дорогого времени, министерство немедленно оповестило свое ведомство о предстоящем преобразовании. Государственный Комитет по народному образованию взял на себя разработку мероприятий, связанных с орфографической реформой. Дело встало, наконец, на верный путь.

IV.

Сущность реформы и ее обоснование.

Нельзя сомневаться, что и теперь найдутся охотники, которые пожелают внести свои частичные предложения и, может быть, даже выступить с собственными проектами правописания. Но, думаю, история реформы достаточно убеждает нас в том, что над нею потрудились уже немало и притом при содействии выдающихся ученых и авторитетных педагогов. сех никогда не удовлетворишь, особенно в таком вопросе, как

орфография [1]). Благоразумие требует, чтобы в настоящее время мы уже прекратили дальнейшие теоретические споры, если, конечно, мы согласны в основных принципах и не отвергаем самой реформы. Проект, одобренный „совещанием", является единственно авторитетным, и никаких конкуррирующих проектов рядом с ним допускать нельзя. На это уполномачивает нас вся история реформы [2]).

Поэтому я перехожу к изложению сущности нового правописания и к его научно-педагогическому обоснованию [3]).

Изменения, которые реформа вносит в нашу систему правописания, могут быть сведены к трем рубрикам. Первая и самая главная это — устранение из азбуки т. н. лишних букв, т. е. *ѣ*, конечного *ъ*, *і*, *ѳ* и *ѵ*.

Так как речь идет о составе нашей азбуки, то решающее значение в этом вопросе принадлежит принципу фонетическому.

Общее основание для удаления этих букв заключается в том, что они давно утратили особое звуковое значение или никогда не имели его (как і). Вследствие этого теперь они являются или ненужными дублетами к другим буквам, обозначающим те же самые звуки (ѣ = е, ѳ = ф, і = и), или совершенно излишними (какъ).

Наименее споров способна возбудить, конечно, ижица. Ее употребление всегда было ограниченным, — в словах греческого происхождения, в таких, как „мѵро", „лѵра", „сѵнодъ", „Хрусанѳъ". Но мы не только давно отказались от ижицы для слова „лира", но и самый „синод" привыкли писать с *и*. Поэтому уже Грот считал ижицу исключенной из гражданского алфавита.

---

[1]) Проект московского Педагогического Общества и проекты академических комиссии и подкомиссии построены на одних и тех же предпосылках, но в частностях, иногда существенных, разнятся между собою. Есть разница, в свою очередь, между „Предварительным сообщением" орфографической подкомиссии (1904 г.), ее „Постановлениями" (1912) и, наконец, постановлениями 11 мая 1917 г.

[2]) Проф. Томсон думал иначе: „Къ теоріи правописанія", 122. — „Необходима реформа не правописанія", стр. 39.

[3]) В виду практического значения, эта глава, но в иной редакции, издана мною особой брошюрой под заглавием: „Новое русское правописание" (М. 1917).

Соотечественница ижицы, ѳ и т а также пишется нами в словах греческого происхождения, но правила этого мы никогда строго не выдерживали. Так как в русском произношении ѳ ничем не отличалась от ф, то уже в древнерусских памятниках мы встречаем написания: Феодосии, Феодоръ и т. п. Рядом с этим, в некоторых словах, где в старину писалась ѳита, в произношении и письме возобладало у нас т: прежде, напр., говорили и писали „ѳеатръ“, „маѳематика“, „есѳетика“, „ѳеорія“, „иѳика“ и пр., а мы — „театр“, „математика“, „эстетика“, „теория“, „этика“ и пр. Наконец, только лингвистически образованный человек сумеет теперь выделить греческие слова из массы наших варваризмов. В виду этого, без всякого ущерба для дела, мы можем во всех случаях вместо ѳ употреблять ф [1]).

Один из знаков звука *и* также приходится признавать лишним. Основной буквой было у нас *и* восьмеричное. В старинных рукописях нередкость такая орфография, как „иереи“, „иосифъ“. І появлялось нерегулярно и при том чаще в конце строки, когда трудно было уписать более широкую букву „и“ Югославянские книжники XV в. пытались закрепить и упорядочить употребление і, но в течение даже XVIII — XIX вв. вплоть до нашего времени не удалось устранить противоречий и колебаний в правилах, относящихся к і. [2]) Вспомним „мір“, с одной стороны, „пятиугольный“ или „пятиэтажный“, с другой. А как „правильнее“ писать, напр., „приказовский“, мы до сих пор еще спорим. Значит, хоть правила об употреблении *і* и *и* сами по себе, конечно, не очень трудны, но и тут дело обстоит не совсем благополучно. Во всяком случае одним из двух однозначущих буквенных начертаний можно пожертвовать.

---

[1]) Проф. Томсон по существу не возражает против замены ѳиты фертом, но обращает внимание на имена собственные: „простое приличіе требуетъ, чтобы писать имя лица такъ, какъ оно его пишетъ“ („Къ теоріи правописанія“, стр. 94). Этот аргумент возвращает нас к временам Ломоносова.

[2]) Более или менее последовательно правило об і установилось в 30-х годах XVIII в. Тредьяковский однако не признавал его и писал в „Разговорѣ объ ортографіи“: „Сіе есть только что проізвольное: все равно, хотя буквѣ *и* быть всегда предъ гласными, а і предъ согласными. Поводъ къ сему проізволенію, ізлішество одно буквъ; а основанія, кажется, нѣтъ нималаго“.

Но которым? Есть свои защитники у *і*. Они утверждают, что, если уже выбирать, то предпочтение нужно отдать *і* у этой буквы — европейский облик; она занимает меньше места, чем *и*, и даже красивее последнего на письме и печати больше отличается от прочих букв, чем *и*. Эти соображения, за исключением, пожалуй, последнего, не могут иметь решающего значения: сближать своего алфавита с европейскими мы пока не стремимся; место, нужное для *и*, мы с избытком выгадаем с устранением конечного ера; а красота букв вещь условная. В пользу *и* говорят следующие доводы: 1) *и* — основная буква нашего алфавита; 2) она встречается чаще, чем *і*, и, следовательно сохраняя ее, мы вносим меньше изменений в привычные для нас начертания слов; 3) если мы оставим *і*, нам придется придумывать знак для *й*; 4) писать *и* легче, чем *і*, так как не нужно отрывать руки для точки [1]).

В ином положении, чем *ѵ*, *ѳ* и *і*, находятся *ъ* и *ь*. Исторически обе эти буквы одинаково важны.

Ъ обозначал гласный звук неполного образования; в истории звуков и форм русского языка ему принадлежала весьма важная роль. С течением времени его судьба резко изменилась. В одних случаях *ъ* перешел в ясный звук *о*; эта буква и пишется на его месте: сон (=сънъ), тот (=тътъ) и т. п. В других случаях *ъ* стал беззвучным. Если такой беззвучный ер оказывался в средине слов перед согласными, его совсем опускали; напр. два (=дъва), дно (=дъно). В конце же слов беззвучный ъ сохранился в качестве „твердого знака". Так как однако твердость конечного согласного очевидна сама собою, раз нет знака мягкости (ь), — то еру трудно удержать и эту позицию. Как известно, на существование конечного ера посягали уже давно. Тем более что, от опущения конечного ера, встречающегося на каждом шагу, получается огромная экономия в печати. Так сама история обрекала конечный *ъ* на гибель. В средине слов пред

---

[1]) Впрочем, защитники і утверждают обратное, предлагая при этом писать і без точки. Но тогда начертание этой буквы утрачивает свою отчетливость. Пример: „пішіте", — К. А. Сорокін, Упросчонная руская азбука. 2-е изд. Стр. 6.

гласными ъ выполняет существенную функцию — отделительного знака; поэтому удалять его отсюда нельзя. Были предложения заменить „отделительный“ ъ или ерем, или тире, или апострофом. Но замена ерем внесла бы некоторую путаницу в наши этимологические представления; тире имеет другое назначение, а апостроф — неудобен, как всякий надстрочный знак. Наконец, всегда лучше избегать ненужной ломки. Поэтому новое правило гласит: „исключается буква ъ в конце слов и частей сложных слов (хлеб, посол, меч, пять куч, контр-адмирал), но сохраняется в средине слов в значении отделительного знака (съемка, разъяснять, адъютант)“.

Во избежание недоразумений прибавлю, что буква ь осталась неприкосновенной, во всех тех случаях, где она пишется у нас теперь.

Подхожу теперь к самой спорной букве, к буквe ѣ. В сознании большинства пишущих она окружена особым нимбом уважения и служит главной опорой „грамотности“. По известному анекдоту, она нужна, чтобы отличать грамотного от неграмотного. Репутация ятя, конечно, заслуженная: его историческое значение велико. Некогда буква ѣ имела свое особое произношение, иное, чем е. Но история не пощадила и ятя, как не пощадила ера. Уже в памятниках XI в. (начиная с Остромирова евангелия) налицо постоянное смешение ѣ с е. Русский язык не чувствовал надобности в том особом звуке, который выражался буквою ѣ: в настоящее время живое литературное произношение, как и огромное большинство великорусских говоров, обычно не отличают ятя от е. Для нас, напр., совершенно одинаково звучат гласные в словах: ѣли и ели, ѣсть и есть, на ужѣ — ужѣ, надѣнь и день, вѣтка и ветхий и т. п. Иные, правда, упорно уверяют, что они всегда слышат ѣ, но это — чистая иллюзия: обман слуха под влиянием орфографии[1]). Судьба ятя в безударных слогах или в особых условиях (как „гнѣзда“, „звѣзды“) — та же, что и простого е, за незначительными

[1]) Этот своего рода буквенный гипноз порою бывает так силен, что Д. Н. Ушакову однажды „случилось слышать уверение одного образованного человека, будто он произносит различно и и i“ („Русское правописаніе“, изд. 2-е, стр. 79).

исключениями [1]). Мало того, употребление ятя в современной орфографии далеко нельзя назвать выдержанным и исторически или этимологически правильным. В очень многих словах мы пишем ***ѣ***, а надо бы ***е***; напр., в словах: рѣшето, рѣдька, сѣкира, змѣй, сѣдло, двѣсти, гдѣ, здѣсь, вездѣ. И наоборот: слова „песок", „семья", „дверь", „клей", „мель", „мелкий", „блеск", „некогда", „некого", „вред", „время", „летать", „метать" и т. п. — должны бы писаться с буквой ***ѣ***: местоимение ***её*** точно также писалось ***еѣ***, и окончание прилагательных в им. п. мн. ч. было ***ыѣ***, — а не ***ые***. „Грамматика" из сил выбивается, чтобы многочисленными правилами (конечно, с неизбежными исключениями) оградить права ятя. Усвоение этой буквы представляет одну из самых значительных трудностей нашей орфографии. Недаром педагоги измышляют особые приемы для изучения специально буквы ѣ [2]). Указанные доводы в своей совокупности настолько вески, что реформаторы решаются поднять руку и на ***ѣ***. Когда-то звук ***у*** передавался двояко (с помощью ***у*** и юса большого), также и звук я (***а*** йотованное и юс малый). С юсами мы расстались. Очередь за ятем [3]).

---

[1]) Об особенностях произношения ѣ—см. в„ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку" проф. В. А. Богородицкого (изд. 3-е, стр. 145—146, 167—168, 185—188).—Интересующихся отсылаю за подробностями также к книге Д. Н. Ушакова „Русское правописаніе" (изд. 2-е, стр. 54 — 56 и 59). — В слове, напр., „на озерѣ" два звука е в поударных слогах произносятся одинаково или почти одинаково. Тоже в „послѣ", с одной стороны, и „уже", с другой. А перед ударяемым слогом, напр. въ словах: „слѣпой" и „несу".

[2]) Назову книжки: 1) А. Макаревскій. Примѣненіе буквы ѣ въ русскомъ письмѣ (въ стихахъ) Спб. 1912—2) Николай Гинцбургъ. Лѣтомъ у дѣдушки. Разсказъ изъ словъ съ буквою ѣ въ корнѣ. Съ 60 рисунками. Пособіе къ изученію корней съ буквою ѣ, построенное на психологическихъ основахъ. Книга г. Гинцбурга выдержала нѣсколько изданій.—Характерна в своем роде также книжка А. В. Миртова „Какъ не путать ѣ и е? Съ обзоромъ всѣхъ способовъ изученія ѣ" (Спб. 1914).—Ср. отзывы в статье Вл. А. Трофимова „К вопросу о реформе правописания" в журн. „Учитель и Школа", 1914, № 7. — На помощь учащим идет также проф. В. А. Богородицкий, но и его научные советы едва ли в состоянии существенно облегчить положение дела („Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку", изд. 3-е, стр. 144—146).

[3]) Ср. в книге проф. Томсона „Къ теоріи правописанія", стр. 51.

Устранение ятя стирает графическое различие между некоторыми формами и словами (в полѣ и в поле, всѣ и все, ѣсть и есть, свѣжѣе и свѣжее). Поэтому для облегчения чтения, в необходимых случаях надо употреблять ё (всё) или ударение (свежée).

Само собою разумеется, буква э сохраняется, так как она передает особый оттенок звука, ясно нами различаемый.

Вот каковы те мотивы, по которым мы отказываемся от употребления т. н. лишних букв.

Против этого были выставлены некоторые возражения. Кроме общей ссылки на историю письма, которая санкционирует бытие не только ятя, но и ижицы, — указывались еще некоторые фонетические основания в защиту устраняемых букв. „Развѣ только звуки „е“, „ф“, „і“ обозначаются двумя буквами?“ спрашивал нас проф. А. И. Томсон [1]): „Развѣ мы не обозначаемъ почти всѣ звуки русскаго языка двумя и болѣе буквами? Напр. звукъ „а“ обозначается посредствомъ буквъ „а“ и „о“ въ литературномъ русскомъ (акающемъ) языкѣ (вода)“ и т. д. Эту аналогию нельзя признать особенно убедительной. Ведь перед нами—явления двух категорий. Буква „а“, напр., прежде всего обозначает звук „а“; без неё никаким другим способом мы не можем передать этого звука. И уж потом буква „а“ приобретает и другие звуковые функции. Точно также буква „о“, напр. в „вода“, читаясь здесь как „а“, имеет и свое постоянное произношение, как „о“ (вòды). А буква „ѣ“ сравнительно с буквой „е“ обозначает один и тот же звук, который, при известных условиях, подвергается изменениям, независимо от того, восходит ли он к старому ѣ или к старому е. Поэтому без буквы „а“ мы не обойдемся, а буква ѣ рядом с буквой е оказывается лишней. Это во-первых. Во-вторых, желая отстоять „лишние“ буквы, говорят, что их можно использовать теперь же и особенно в будущем для других целей. Покойный академик Ф. Е. Корш, деятельный и авторитетный член орфографической комиссии, не сомневаясь, что „ѣ для нас то же, что е“, предлагал сохранить ѣ для ударяемого открытого е, т. е. писать: „свѣт“, но „на свете“, „нѣга“, но „неге“, „певѣц“, „поѣт“

[1]) Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Стр. 3.

и т. п. [1]). Точно также г. Житомирский держится того взгляда, что можно бы оставить оба начертания для *и* (*і* и *и*), различая их звуковое значение приблизительно так же, как в украинском („імя", но „им"; „не корі его", но „ребенок в кори"); равным образом, по его мнению, ѳ пригодилась бы для передачи того звука, какой слышится здесь в новогреческом языке или для английского th (напр., „Ѳэкэрэй"); в иностранных словах была бы уместна и ижица (пvпітр, Мvлэр, Віктор Vго и т. п.) [2]). — Проф. А. И. Томсон готов поддержать мысль акад. Корша, но для будущего, когда „различіе между открытымъ и закрытымъ е (ѣ) разовьется больше"; вместе с тем он предвидит, что современем могут понадобиться ъ и ь для обозначения „ирраціональныхъ неударенныхъ гласныхъ", и даже буква *и* рядом с *і* может оказаться необходимой, если нам почему-либо потребовалось бы... различать особое произношеніе *и* послѣ Ш, Ж." [3]) Что можно сказать на это? Загадывать о будущем едва ли целесообразно. Тем более что язык может обмануть наши ожидания. Если же иметь в виду настоящее, то в своих рассуждениях Корш, Брандт, Житомирский и Томсон все-таки исходят тут из предпосылки, что в прежней роли „лишних" букв надобности уже нет; ѣ у Корша употребляется совсем не там, где теперь, и его реформа в данном случае шла бы вразрез с этимологическим принципом письма. Что же касается общего вопроса о возможности передавать более точно русские и особенно иностранные звуки, то, конечно, это важно, и современем придется подумать об этом. Нашей азбуке недостает некоторых знаков (напр. йота). На такое, действительно, коренное преобразование алфавита пока мы не решаемся. Тем более, что обычное правописание имеет тут свои границы. Не всякий, напр. (как и указывали Коршу), в состоянии чувствовать разницу между открытым и закрытым *е* (на взгляд проф. Томсона, это различие еще недостаточно развилось); кроме

---

[1]) Акад. Ф. Е. Коршъ. О русскомъ правописаніи. Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Ак. Н., 1902, т. VII, кн. I.—Одновременно с Ф. Е. Коршем и независимо от него предлагал то же самое и проф. Р. Ф. Брандт.

[2]) Молохъ XX вѣка. Стр. 97 — 8, 243, 249, 244. Ср. 100 и слл.

[3]) Къ теоріи правописанія. Стр. 90. Ср. 72, 97. — В брошюре „Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія", стр. 32.

того, разные лица иногда одно и то же слово произносят поразному (кто — с закрытым, кто — с открытым *е*). Между прочим г. Житомирский разрешает писать „ім“ и „им“, „смотря по произношению, которого кто придерживается“. Нельзя впадать в излишний фонетизм: правописание — не научно-фонетическая транскрипция.

Как видим, и проф. Томсон, по крайней мере, по отношению к будущему, не чужд этого „фонетизма“. Тем не менее, возражая против удаления ѣ и др. букв, он упрекает реформаторовъ в исключительной преданности фонетическому принципу и переносит вопрос в другую плоскость — в плоскость морфологической дифференциации (различение на письме частей слов). Это — общий принцип, применимый ко многим другим пунктам, и я рассмотрю его впоследствии. Сейчас же повторю, что устранение лишних букв — необходимая операция, оправдываемая как историей звуков нашего языка, так и современным звуковым его составом. Фонетический принцип, вообще основной в нашем письме, здесь должен выступить во всей своей силе.

Во вторую рубрику орфографической реформы отнесу правила, касающиеся некоторых окончаний. А именно: 1) писать въ род. п. ед. ч. прилагательных, причастий и местоимений не только под ударением, но и всегда — ***ого, — его*** вместо — ***аго, — яго***; 2) в имен. и вин. п. мн. ч. не только мужеского, но и женск. и ср. рода прилагательных, причастий и местоимений писать — ***ые, — ие*** (добрые сестры, синие стекла, животные юга, швейные мастерские, столовые для рабочих); 3) в род. п. ед. ч. местоимения личного ж. рода писать так же, как в вин. п., т. е. ***ее*** или ***её***, а не ***ея***; 4) писать ***они*** вместо ***онѣ*** в им. п. мн. ч. женск. рода; 5) точно также ***одни, одних, одним, одними*** вместо ***одни, однѣх, однѣм, однѣми.***

Во всех этих случаях нет ничего произвольного, как это может показаться на первый взгляд. Они всецело основаны на живой этимологии русского языка.

Окончания ***аго (яго), ыя (ія)*** и форма ***ея*** устранены, прежде всего потому, что — это не русские окончания, а церковно-славянские. Надо твердо помнить, что русский язык состоит в родстве с „славянским“, но не произошел от него; в силу известных исторических условий, наш язык,

главным образом, литературный, испытывал на себе влияние „славянского", но все-же существовал и существует сам по себе. Югославянские книжники XV века узаконили у нас многие славянизмы письма. Ломоносов и другие писатели XVIII века легко мирились с этим (хотя сами понимали отсутствие прочных оснований) [1]), так как это не противоречило их литературной теории о высоком и низком штиле и общей идее „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ". Мы теперь ничем, кроме простой традиции, не могли бы оправдать славянизмов в названных окончаниях. Поэтому считаем вполне уместным восстановить попранные права русского языка.

В самом деле, живой русский язык искони знал только одно окончание — ***ого*** (а не ***аго***), которое до сих пор явственно слышится под ударением. Грот остановился на полдороге, допустив „хромòго" рядом с „добраго". Последовательнее и вернее всюду писать русское ***ого***. — Окончания — ***ые*** и ***ыя*** различаются не тем, что одно — муж. рода, а другое — жен. и среднего: оба они относятся к вин. п. мн. ч. муж. рода и вместе к им. — вин. п. мн. ч. женск. рода (формы средн. рода были вытеснены формами муж. и жен. родов), но ***ыя*** — старославянское окончание, имевшее на конце юс малый, а ***ые*** — русское окончание, писавшееся сначала ***ыѣ***. Окончания ***ия*** и ***ие*** возникли из смешения окончаний имен. и вин. падежей, но относятся друг к другу так же, как ***ыя*** и ***ые***. Следовательно, мы отбрасываем нерусские ***ыя (ія)*** и оставляем русские ***ые (ие)***. Эти окончания служат безразлично для всех трех родов: прилагательные и местоимения мн. ч. вообще уже в древности утратили родовые признаки (ср.: мои, эти, те, все, лисьи). И в этом, судя по аналогии с другими языками, сказывается известный прогресс. — Формы ***ея*** и ***ее***, в действительности, различаются не тем, что они относятся к разным падежам: обе они обозначают родит. падеж, только первая опять есть принадлежность старославянского языка (с юсом малым на конце), а вторая существовала в русском языке, как она слышится и до сих пор (несмотря на

---

[1]) Нельзя же считать за подлинный аргумент ломоносовские выражения: „приличнѣе", „лутче" и т. п.

многовековое начертание „ея“) и писалась ***еѣ***, откуда ***ее*** и ***ее***. По свойству русского языка, форма род. падежа в известных случаях употреблялась и в качестве вин. падежа. Уже в памятнике XII в. (в „Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ“) читаем: „умысли съзъдати цьркъвь и съзъдавъ еѣ“. Значит, реформа в сущности не предлагает никакого новшества, а приглашает только не отступать от духа русского языка и от его этимологического строя.

Местоимения и прилагательные во мн. ч., как было уже сказано, не различают родов. На этом основании отвергается теперешнее искусственное правило, будто ***онѣ*** и ***одніѣ*** — формы исключительно женск. рода, а ***они*** и ***одни*** — муж. и ср. родов. [1]) Форма ***онѣ*** образовалась по аналогии с формами ***тѣ, всѣ***. Можно безразлично говорить и писать во всех родах как ***они,*** так и ***оне*** (тоже ***одни — одне***). Реформаторы отдают предпочтение формам ***они*** и ***одни*** единственно потому, что в литературном языке именно эти формы употребительнее других.

В третью и последнюю рубрику вошли три правила, которые в практическом обиходе имеют существенную важность, но в „научном“ отношении довольно безразличны. Это — правила о приставках из, воз и пр., о слитном написании наречий и о переносе слов. Они гласят следующее:

1) Писать приставки ***из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через*** перед гласными и звонкими согласными с ***з,*** но заменять ***з*** буквой ***с*** перед глухими согласными, в том числе и перед ***с*** (извините, воззвание, разумно, взыскать, низвергать, безвольный, чрезвычайно, — исправить, воспитать, всхожие семена, расстаться, роспись, ниспосланный, бесполезно, бесчестно, чересполосица, чересседельник).

2) Допустить слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами (встороне и в стороне, втечение в течение, сверху и с верху, вдвое и в двое).

---

[1]) У новых поэтов оно нарушается очень часто. Лермонтов (в „Демоне“) относит „они“ к слову „слезы“ (рифма — „не брани“); Тютчев — „онѣ“ к слову „созвѣздія“ (рифма — „вышинѣ“); Фет — „онѣ“ к слову „образы“ (рифма — „снѣ“).

3) При переносе слов ограничиться следующими правилами:

а) согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной, не должна быть отделяема от этой гласной;

б) группа согласных в начале слов не отделяется от гласной;

в) буква й перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной;

г) конечная согласная, конечное й и группа согласных на конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной;

д) при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной, напр., надлежит делить „под-ходить“ а не „по-дходить“, „раз-вязать“, а не „ра-звязать“.

Что можно сказать в оправдание этих трех пунктов?

С приставками ***из, воз, раз,*** и пр. всегда дело обстояло очень плохо. Совокупными усилиями наши теоретики сумели создать здесь прямо классическую путаницу, и, признаться, трудно придумать решение, которое было бы вполне удовлетворительным. В конце концов орфографическая подкомиссия и совещание при Академии Наук сочли более простым выходом — руководиться произношением, но зато этот принцип провести уже с строгой последовательностью (не делая исключений ни для С среди глухих, ни для приставок ***без*** и ***чрез).*** По крайней мере, будет твердое правило без исключений [1]).

Что касается затруднений с наречиями, то они вполне законны потому, что процесс образования наречий в самом языке еще не завершился. Существует ряд выражений, которые находятся, так сказать, в переходном состоянии, и мы не можем с определенностью утверждать, есть ли это еще существительное с предлогом или уже наречие. В зависимости от того, как пишущий разрешает для себя это колебание, он волен или сливать предлог с склоняемым словом или разделять [2]).

---

[1]) Ср. въ книге г. Житомирского „Молохъ XX вѣка“, стр. 68—70, 248.

[2]) Ср. у г. Житомирского въ книге „Молохъ XX вѣка“, стр. 185—190, 250.

Наконец, правила переносов, столь у нас трудные и запутанные, совсем уж не имеют ничего научного. Древнерусские книжники переносили любую букву и в любом сочетании. Из практических соображений, некоторые правила все-таки желательны. Руководящим началом тут может быть лишь удобство письма и чтения: значит, удобное деление слов на слоги (что, впрочем, научно не разработано) и отчасти этимологический состав слов. К этому и сводятся немногие практические советы, которые включены в постановления совещания [1]).

Бросая теперь общий взгляд на нашу орфографическую реформу, мы, конечно, не станем утверждать, что она устранила все трудности или даже все недостатки нашего правописания. Еще многое осталось для будущих реформаторов. Она хотела ограничиться лишь самым существенным и не ввела ни одного нового буквенного знака. А в этом существенном важнейшим пунктом является устранение лишних букв с ятем во главе. Основанная одновременно на звуковом составе и этимологическом строе языка, новая орфография не отступает от привычных для нас принципов письма, но делает его более „научным", более последовательным и более русским, а, следовательно, более простым и легким [2]).

---

[1]) Ср. в книге г. Житомирского „Молохъ XX вѣка", стр. 201—204, 251.— „Къ теоріи правописанія" проф. Томсона, стр. 102—103.

[2]) Надеюсь, что смысл употребленного мною выражения „более русское правописание" читатели не смешают с тенденцией, которой проникнуты недавние нападки на Грота со стороны А. В. Миртова (брошюры: „Русско-нѣмецкое правописаніе акад. Я. К. Грота" и „Можно-ли писать «по Гроту»?).— Если угодно, наша реформа содержит в себе также элемент секуляризации письма, т. е. освобождение его от черт церковности. В этом отношении реформаторы продолжают только план Петра Великого. Вл. А. Трофимов сближает даже „требование светской школы, свободной от церкви" и реформу правописания (статья „Основные положения реформы правописания" в журн. „Учитель и Школа", 1914, ноябрь, № 21—22, стр. 4). По своему правы, конечно, учебный комитет и училищный совет при синоде, которые недавно

V.

Реформа в свете общих принципов.

Того, что было сказано до сих пор, в сущности достаточно для непредубежденного ума. Можно бы считать вполне доказанным, что реформа задумана не случайно, не какими-то кабинетными теоретиками, а что ее выдвинула сама жизнь. Можно бы, далее, не сомневаться, что имеются очень веские научные основания, чтобы реформировать наше правописание именно в том направлении, какое реформа получила. Но у некоторых наших оппонентов есть в запасе еще кое-какие аргументы общего характера, на которые необходимо ответить [1]).

1) Противники реформы хотят прикрыться ссылкой на авторитет Запада.

Русское правописание, уверяет нас, напр., проф. А. И. Томсон, „гораздо совершеннѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ“ [2]); орфографии немцев, французов, а тем более англичан гораздо труднее нашей. Однако „не было примѣра, чтобы народъ въ теченіе своей грамотной культурной жизни разомъ существенно измѣнилъ свою орѳографію... Такого колосса, какъ англійская орѳографія, конечно, никто не повалитъ“ [3]). Пусть так. Пусть правописание наших западных соседей несовершеннее, чем русское; пусть они мало сделали для его улучшения. Но, во-первых, и немцы, и французы, и шведы, и

высказались против нового правописания, „какъ искажающаго красоту роднаго языка (?) и совершенно не согласованнаго со славяно-русской палеографіей и славянскимъ корнесловіемъ“ (заметка в „Р. Вѣд.“, 1917, № 161, от 16 июля).

[1]) Мне уже неоднократно приходилось делать это в печати. Назову следующие свои статьи: 1) Вопросъ объ упрощеніи русской орфографіи. В. Восп. 1904, № 6. — 2) Отвѣтъ критику доклада объ упрощеніи р. орфографіи. Ж. М. Н. Пр. 1902, авг.—3) Языкъ и правописаніе. Газета „Русь“, 1904, № 129.— 4) Насущная реформа. Газета „Дѣло Народа“, 1917, № 57. — 5) Важный шагъ. Р. Вѣд. 1917, № 123.—6) Орфографическіе страхи. Р. Вѣд. 1917, № 147, іюня 30. — 7) Новое правописаніе и школа. Ibid, 1917, № 206, сент. 8.

[2]) Къ теоріи правописанія, стр. 81.

[3]) Проф. А. И. Томсонъ. Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Стр. 27.

даже англичане с американцами все-же озабочены вопросом об „упрощении“ (Vereinfachung, simplification) правописания [1]). А, главное, зачем нам рабски следовать орфографическим порядкам Запада. Ведь, кажется, не в упрек русской орфографии, говорит сам проф. Томсон: [2]) „Русское правописаніе проще и усваивается народомъ легче, чѣмъ правописаніе остальныхъ великихъ государствъ Европы, чему впрочемъ въ значительной степени содѣйствуетъ близость русскаго писаннаго языка (правописанія) съ живымъ народнымъ языкомъ“. Мы дорожим этим свойством нашего правописания и должны ценить все, что поддерживает и даже усиливает фонетическую основу письма. „Не приближеніе къ живой рѣчи, а все большая независимость отъ живой рѣчи предстоитъ нашему письму въ будущемъ“, замечает проф. Томсон и мирится с этим, не то фаталистически, не то во имя морфологического принципа [3]). Если проф. Томсон, действительно, „констатирует“ этот факт „съ неменьшимъ сожалѣніемъ, чѣмъ реформисты“, то вывод отсюда ясен. Нельзя утешать себя указанием на то, что у других народов еще хуже. Пример Англии как раз служит для нас предостережением, насколько опасно допускать долговременный застой в области правописания. Обучать английских детей по звуковому методу почти невозможно. Американские педагоги изобрели особый метод — „метод слов“ (word-method), но и он оказался недостаточным. Некоторые американцы требуют перехода к фонетическому письму, чтобы иметь возможность

---

[1]) Я. К. Гротъ. Спорные вопросы русскаго правописанія (ч. II, гл. III).— В. Ѳ. Лазурскій. Вопросъ объ упрощеніи ореографіи у англичанъ, французовъ и нѣмцевъ. Одесса. 1903. — Проф. Томсонъ. Къ теоріи правописанія. Глава XXX. — Ф. Озле. Реформа французскаго правописанія. Труды Харьковскаго Педагогич. Общества, 1901 г., в. VII.—Thors—Iansson. Svensk ordlista med nystavning. Tredje upplagan. Helsingfors. 1907.—Проф. Пав. Гензель. Реформа правописанія. Р. Вѣд. 1917, № 139.—Д. Н. Ушаковъ. Русское правописаніе. 2 изд. Стр. 104. Наглядный образчик того, как изменилась английская орфография со времени Чосера (XVI в.), дан в книге г. Житомирского „Молохъ XX вѣка“, стр. 45—47.

[2]) Къ теоріи правописанія. Стр. 88.

[3]) Ibid., стр. 80. Ср. однако в брошюре „Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія“, стр. 31—32.

учить по звуковому методу. „Жалость к детям берет у них верх над орфографическим консерватизмом“ [1]). „Если бы“, правильно говорит г. Житомирский [2]), „когда нибудь русское письмо дошло до такой антифонетической орфографии, как английское, мы действительно были бы в ужасном положении при ужасающей длине наших слов, которых, без понимания их состава, совершенно невозможно запомнить. Мы не могли бы применить ни буквослагательного, ни звукового, ни американского метода“ — при обучении грамоте. Создалось бы положение поистине трагическое.

У англичан письмо настолько расходится с живым языком, что от их реформаторов потребуются прямо героические усилия, чтобы восстановить нарушенное равновесие. Пока не поздно, мы должны предотвратить подобную опасность от самих себя. „Как нельзя удержать омертвелые частицы живущего организма“, повторю слова г. Житомирского [3]), „так нельзя насильно охранять отмирающие элементы всякого цѣлого, в котором происходит непрерывный процесс необходимых для его существования изменений. Нельзя этого сделать ни в языке, ни в способах его выражения на письме. Как бы мы ни задерживали рост языка, он всетаки изменяется. Должно измениться и письменное его выражение; иначе условностей в письме накопится так много, что школе ничем, кроме изучения этих условностей, невозможно будет заниматься, как человек, никогда не смывающий с тела отмирающих частиц кожи, вынужден то и дело почесывать ее“.

2) До сих пор приходится слышать и читать, что „упрощение“ есть м а л о г р а м о т н о е письмо. И тут же для большей убедительности остроумно напомнят письмо дворников и кухарок или даже генералов доброго старого времени, писавших „сумлеваюсъ штопъ“. Гордые своей грамотностью, люди боятся попасть в разряд малограмотных, боятся своего рода орфографической деградации. Психологически это вполне понятно, тем не менее самые упреки и страхи — неосновательны. Перед нами — цепь недоразумений.

---

[1]) К. Житомірскій. Какъ же учить грамотѣ? М. 1915. Стр. 44.
[2]) К. Житомірскій. Молохъ XX вѣка. Стр. 78—79.
[3]) Молохъ XX в., стр. 253.

Одно недоразумение можно назвать положительно непростительным, особенно в настоящее время. Думают, что новое правописание есть чисто-фонетическое: пиши, как говоришь. В действительности ничего подобного нет. Еще доклад московского Педагогического Общества постарался отчетливо отмежеваться от „свободно-фонетического письма". Еще тогда совершенно определенно было формулировано, что „устойчивость и единообразие нашей орфографии могут быть достигнуты путем сохранения этимологического начала". Теми же принципами руководились и составители „академических" проектов. Постановления 11 мая точно также не подают ни малейшего повода считать новое правописание чисто-фонетическим. Мы совершенно согласны с возражениями проф. Томсона и других против свободно-фонетического письма, но все это к предлагаемой реформе правописания прямого отношения не имеет.

Другое недоразумение в вопросѣ о „грамотности" обусловливается тем, что большинство защитников старой орфографии почти не подозревают, насколько она в сущности „неграмотна", „неправильна", условна, т. е. не знают того, о чем у нас шла речь выше. Пусть реформа именуется ходовым термином „упрощение", но это не есть умаление „грамотности", а улучшение правописания, произведенное на основании вполне научных данных. Кто станет писать поновому, будет гораздо „грамотнее" того, кто упорно захочет держаться старой орфографии.

Наконец, самое понятие о грамотности не есть что-нибудь неизменное от века и до века. Всякая система правописания, принятая большинством, служит критерием грамотности. Когда-то показателем грамотности было умение ставить юсы; теперь, по пресловутому анекдоту, ѣ отличает грамотного от неграмотного. Нетрудно себе представить „грамотных" людей, которые будут обходиться без ятя и ѳиты. Правописание и в новом его виде остается системой, „грамматика" попрежнему будет стоять на своем почетном посту, и „правил" орфографических наберется более, чем достаточно. Так что попрежнему будут разные ступени „грамотности", и образованные люди, при желании, могут не хуже прежнего третировать „недоучек". Покойный проф. Будилович возмущался, что хотят заставить „людей образованныхъ писать безграмотно

въ интересѣ недоучек" [1]). Реформа предпринимается не для того, чтобы образованных людей сравнять с недоучками, а для того, чтобы у нас было меньше недоучек.

3) Многие, даже образованные люди и в том числе люди науки, полагают, что судьба правописания органически связана с судьбого языка, что они живут по одним и тем же законам. Поэтому, — говорятъ,—принципиально недопустима сознательная ломка правописания, и если-де попытки такого рода возымеют свое действие, то этим будет нанесен существенный ущерб самому языку русскому, тому языку, который составляет нашу национальную гордость, на котором творили Пушкин, Толстой и Тургенев.

На первый взгляд аргумент этот кажется чрезвычайно серьезным и научным, и противники охотно прибегают к нему. При более тщательном анализе понятий „язык" и „письмо" обнаруживается, однако, его несостоятельность именно в научном отношении.

Въ данном вопросе две стороны: одна — общая, другая — частная, связанная с конкретной системой правописания. Рассмотрим его с обеих сторон.

„Орфографія каждаго историческаго образованнаго языка, какъ его составъ и строй", писал проф. А. С. Будилович [2]), „насквозь пропитана исторіей народа, отражаетъ все его прошлое и въ замѣтной степени опредѣляетъ его будущее". „Правописаніе культурнаго народа, имѣющее свою исторію", вторит проф. А. И. Томсон [3]), „представляетъ продуктъ дѣйствія разнообразныхъ факторовъ. Многія лица сознательно и безсознательно вносили свои измѣненія, дѣйствуя въ томъ и другомъ случаѣ не произвольно, а подъ вліяніемъ множества психическихъ условій, которыя никогда не удастся установить полностью". По мнению проф. Будиловича, „законныя измѣненія въ области нашего образованнаго языка и установившагося въ немъ вѣками правописанія" могут производиться только

---

[1]) В. Евр., 1904, май, стр. 421.

[2]) А. С. Будиловичъ. О московскомъ проектѣ упрощенія русской орфографіи. Сборникъ Учено-литер. Общества при Юрьевск. унив., 1902, т. V. Стр. 25.

[3]) Къ теоріи правописанія. Стр. 4.

„живымъ примѣромъ образцовыхъ писателей, незамѣтно пролагающихъ новые пути въ образованной рѣчи и постепенно подчиняющихъ своему вліянію какъ общество, такъ и школу“ (28 стр).

Я намеренно привел буквальный текст наиболее авторитетных наших противников. Рядом с этим приходится слышать уже совсем профанский взгляд на тождество языка и письма.

Основные предпосылки профф. Будиловича и Томсона — верны. Письмо, как и язык, плод исторического развития и „насквозь пропитано историей“. Но с выводами названных ученых согласиться нельзя.

Законы языка и письма — неодинаковы, и поэтому наше отношение к ним не может быть одинаковым. К. С. Аксаков прекрасно сказал: „Письмо — вещь условная. Слово, напротивъ, есть необходимое, на глубокихъ законахъ основанное явленіе“. Наука еще не раскрыла всех законов, руководящих жизнью языка, но кое-что мы все-таки знаем. Знаем, что никто разом языка не изобретал, что в процессе его развития — много таинственного, потому что большую роль играют здесь моменты подсознательного мышления. Правда, не исключена возможность и совершенно сознательного воздействия лица или группы лиц на жизнь языка; известны, напр., слова и обороты, обязанные своим происхождением отдельным писателям. Но в целом язык есть плод всенародного творчества, в которомъ нередко неграмотный народ имеет неменьшее значение, чем гениальный художник слова. Язык, как говорит немецкий ученый, Г. Пауль, эволюционирует путем медленных, невольных, бессознательных перемен, вносимых в речь говорящими [1]). Язык —народная святыня, и посягать на нее было бы преступно.

Сказанного об языке нельзя применять к правописанию в той мере, как это делают профф. Будилович и Томсон. Пусть орфография на пути своего исторического развития впитала многое из культурной истории народа. Пусть она образуется под влиянием разнообразных факторов. Но азбука всегда изобреталась и видоизменялась отдельными людьми (Кирилл, Петр В.). Точно также и правописание, о чемъ доста-

[1]) Hermann Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. 3-te Auflage. S. 29.

точно свидетельствует рассказанная мною его история. Тутъ сознательного неизмеримо больше, чем бессознательного. Письму мы обучаемся иначе, чем своему родному языку, и пользуемся им иначе, чем языком. В деле орфографии писателям-художникам далеко не принадлежит того значения, как в области языка. Лингвисты и педагоги здесь много компетентнее, чем писатели. Изменения в орфографии, — справедливо говорит тот же Пауль (стр. 358), — гораздо более сознательны и преднамеренны, гораздо более обязаны отдельным личностям, чем изменения в языке, и обыкновенно совершаются не с медленною постепенностью, а скачками (sprungweise). Чего мы не в праве позволить себе по отношению к языку, то мы можем, а иногда и должны сделать по отношению к письму. Вполне сознательно стремимся мы сделать письмо более совершенным орудием культуры [1]).

Те, кто в рассматриваемом нами вопросе охотно аппелируют к великим теням прошлого, напр., к Пушкину, часто не видят линии, отделяющей язык и письмо, как явления двух разных категорий, и, с другой стороны, в большинстве случаев наивно думают, что они защищают орфографию Пушкина, тогда как это — орфография современного нам корректора, обязанного выправлять текст „по Гроту". В этом так легко убедиться, посмотревши на рукописи (или снимки с рукописей) того же Пушкина. Наш поэт, не в пример другим писателямъ своего времени, очень сознательно и критически относился к вопросам языка и письма. Но и ему ничего не стоило написать „прежніе мѣчты" в стихотворении „Я помню чудное мгновенье" или, наоборот, „мир-

[1]) Проф. А. И. Томсон решительно несогласен с мыслью К. С. Аксакова и, в противовес ему, в своей брошюре „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію" приводит целых пять эпиграфовъ (из Габеленца, Пауля, Ягича, Грота и гетевского „Фауста"). Из всех этих авторов только один Georg von der Gabelentz, автор книги „Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse" (Leipzig. 1891) может быть назван союзником проф. Томсона, как защитник исторической орфографии (см., напр., в его книге стр. 142, 185), но мы отказываемся признавать за его доводами абсолютную непровержимость. Более глубокий взгляд, по моему мнению, высказывает цитированный выше, Г. Пауль. — Ср. мысли г. Житомирского в книге „Молохъ XX вѣка", главы I, II (об языке) и стр. 66—67 (о правописании), а также в статьях А. П. Флерова (см. выше, стр. 13, прим. 2).

ныя, нѣмыя своды" (в „Скупом Рыцаре"), или „приятно" и, „гнѣдова" (ibid) и т. п. Несмотря на такую орфографию, язык поэта остается божественно-прекрасным. Пушкин, как и вообще писатели, в нашем споре не при чем.

Мы производим реформу письма, а не языка, а письмо — „вещь условная".

Значит, нельзя отрицать нашего принципиального права на реформу. Но, может быть, самая реформа такова, что она все-таки может причинить вред русскому языку? В этом отношении также можно быть вполне спокойным.

Вообще говоря, язык — сильнее письма. Сколько бы, напр., мы ни писали „ея", язык крепко держится за свое „ее". Но, конечно, существует известный параллелизм между явлениями языка и письма, и последнее имеет свою долю влияния на язык. Нельзя категорически отвергать мысль В. Гумбольдта, что „измѣнения в письме ведут к измененіям в языке, и хотя собственно так пишут потому, что так говорят, но часто бывает и наоборот, что так говорят потому, что так пишут" [1]). И действительно, учащиеся, особенно на первых порах, и люди малограмотные произносят покнижному и нередко прямо коверкают свою речь, выговаривая с возможной отчетливостью „ея", „что" и т. п. [2]). Если этому факту придавать большую важность, то он подсказывает нам только одно заключение: следует смягчать различие между языком и письмом. Языка мы не можем касаться; значит, нужно очистить письмо от тех элементов, которые способны породить порчу языка. Наша реформа как раз это и делает. Живой русский язык для нас закон: в возможных пределах мы устраняем то, что не находит себе оправдания в явлениях языка (между прочим и „ея"), и тем самым ослабляем орфографическую опасность. Нечего бояться за чистоту русской речи. Реформа нисколько не угрожает достоинству нашего литературного языка. „Любовь к языку", верно замечает г. Житомирский [3]), „не должна вырождаться в любовь к букве, правописанию,

---

[1]) Цитата взята из „Филолог. разысканій" Грота, II, 92.

[2]) Впрочем, то же наблюдается иногда у людей образованных и даже педагогов. См. факт в книжке г. Житомирского „Молохъ XX вѣка", стр. 31—32. Ср. ibid., 49, 53.

[3]) Молохъ вѣка. XX. Стр. 254.

которое может только портить дело языку, но не улучшать его".

Реформа письма может и должна производиться всякий раз, когда в этом обнаружится очевидная потребность. Таково наше время. Письмо хранит множество исторических традиций; оно „насквозь пропитано историей народа". Но почему же наш исторический момент не может оставить своего законного следа на правописании? Отчего нам нельзя зафиксировать на письме то, что характеризует жизнь языка в данном периоде его существования? Почему, наконец, мы станем отказывать себе в праве, которым пользовались наши предшественники, люди XV, XVIII и XIX веков? Никаких принципиальных оснований для этого нет. Мы даже обязаны исправлять то, что считаем недостатками письма.

4) Реформа, говорят нам далее, не достигнет своей цели: „упрощение" сделает письмо более трудным, чем теперешнее. „Для кого"? спросим мы. Для того, кто станет читать написанное или напечатанное по новой орфографии, — получится обычный ответ [1]). Удовлетвориться таким односторонним ответом однако нельзя.

Вопрос — весьма сложен. В нем нужно различать три главных стороны: во-первых, обучение грамоте; во-вторых, процесс писания и, в-третьих, процесс чтения.

В наших школах господствует звуковой (фонетический) метод обучения грамоте. Всякому понятно, что обучать по этому методу легче, если в азбуке каждая буква соответствует известному звуку, и звук имеет одно определенное обозначение, т. е. если в азбуке нет лишних букв. В этом отношении русское письмо всегда было удобнее, чем, напр., английское. Англичане принуждены пользоваться особым „методом слов" (word-method), которым одно время увлеклись было и у нас под названием „американского метода". Наш „звуковой" или „зрительно-фонетический" метод неизмеримо проще и во всяком случае более подходит к характеру нашего письма, чем „американский" [2]). Устраняя лишние буквы,

[1]) „Рѣшающее значеніе имѣетъ чтеніе", говорит проф. А. И. Томсон („Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 10).

[2]) Ср. книжку г. К. Житомирского „Какъ же учить грамотѣ"? (Москва. 1915).

новое правописание еще больше облегчает механизм обучения грамоте. В этой области оно должно произвести целый переворот. Реформа обещает огромное преимущество, в котором заинтересованы миллионы наших детей. Если бы польза реформы сводилась только к этому, то и тогда ее нужно бы признать столь же важной, как всеобщее обучение. Не забудем, что самое трудное и самое нужное, это перешагнуть ту роковую черту, которая отделяет грамотного от неграмотного.

Во-вторых, необходимо посмотреть на дело с точки зрения пишущего [1]). Тут два момента: усвоение письма и пользование им. „Несомнѣнно то", скажу словами самого проф. Томсона [2]), „что чѣмъ ближе писанный языкъ въ фонетическомъ отношеніи къ произношенію пишущаго, тѣмъ легче усвоеніе правописанія". Если иметь в виду первоначальную ступень обучения письму, то о новом правописании здесь можно повторить то же самое, что было сказано об обучении чтению. Для начинающего фонетическая сторона письма важнее этимологической. В дальнейшем легкость нового правописания будет чувствоваться все сильнее и сильнее. Ведь подумать только, что учащиеся освобождаются от необходимости усваивать бесконечные случаи употребления ятя или помнить искусственные правила об „ея", об „ые — ыя" и т. п. В своем месте уже достаточно было сказано о том, как велики трудности современной орфографии. Следовательно, выгоды нового правописания в этом отношении не подлежат сомнению [3]). Наконец, когда человек овладеет правописанием,

[1]) О письме и правописании вообще см. въ III части „Лекцій по экспериментальной педагогикѣ" проф. Э. Меймана.

[2]) Къ теоріи правописанія. Стр. 70.

[3]) Г. С. Михайлов-Мучкин подсчитал, что, при новой орфографии, становятся лишними около 50 правил („Совершенствование русской грамоты и правописания". Одесса. 1905. В конце книжки). Даже проф. Томсон готов признать, что из устранения буквы ѣ, из упрощения правил переносов, из единообразного написании приставок воз, из и т. д. учащиеся могли бы вынести „болѣе или менѣе серьезное облегченіе при изученіи правописанія". С некоторой, впрочем, оговоркой к категории облегчений причисляет он и удаление v, ѳ, форм ея и опѣ и окончания — ыя („Къ теоріи правописанія", стр. 117 — 118, 102 — 103, 116 — 117, 94, 40. — „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 28 — 29). Однако в брошюре „Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія" (1905) проф. Томсон снова энергично доказывает, что „и буква ѣ ровно никакого затрудненія

станет вполне „грамотным“, то и тут он будет убеждаться, что пользоваться новым правописанием легче, чем старым. Чем меньше приходится нам думать о том, как писать слова, чем механичнее процесс писания, — тем лучше, потому что тогда мы меньше отвлекаемся от хода своей мысли. Сколько раз даже хорошо грамотный человек остановится надъ буквой ѣ, над согласованием прилагательных с существительными в им. — в. п. мн. ч., над разными искусственными правилами и исключениями и т. п. Все это замедляет письмо. Новое правописание, не лишая вполне грамотного человека возможности опираться на этимологический (морфологический) состав слов, восстановляет нарушенную связь между живою речью и письмом, удаляет или упорядочивает произвольные правила. Очевидно, оно — более совершенное орудие въ руках пишущего, чем прежняя орфография [1]).

В-третьих, процесс чтения. Правописание, верно говорит г. Житомирский, [2]) „должно как можно меньше тормозить мысль пишущего и как можно больше способствовать легкости чтения. А так как интересы пищущего и читающего

не представитъ при раціональномъ методѣ обученія“: „Развѣ труднѣе запомнить рядъ движеній руки, въ составъ которыхъ входитъ буква ѣ, чѣмъ рядъ съ буквой е?... Или труднѣе запомнить зрительно фигуру слова, когда въ ней ѣ, а не е?“ (стр. 14).

[1]) Проф. Томсон сильно преувеличиваетъ, утверждая, что „грамотному пишущему совершенно безразлично, существуютъ ли буквы „ѣ“, „и“, „ъ“, „е“, или вмѣсто нихъ другія. Онъ пишетъ тѣ и другія какъ составныя части привычныхъ движеній руки, производящихъ начертаніе слова, и совершенно не замѣчаетъ, и можетъ не знать и даже не вѣрить, что „ѣ“ и „е“, „н“ и „і“ обозначаютъ одинаковые звуки“. („Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію“ стр. 9; ср. ib., стр. 18 и „Къ теоріи“, стр. 11). Ближе к истине, думается мне, г. Житомирский, который говорит („Молохъ XX вѣка“, стр. 30): „...В нашей орфографии никакой навык не даст возможности без размышления написать правильно одно или два эн в причастии, с или ѣ в конце существительных среднего рода (поле, полѣ,) ее или ея, такъ же или также и т. под. Особенно затруднительно для пишущего правило (совершенно бессмысленное) о начертании е или я в конце прилагательных“. Впрочем, и проф. Томсон признает, что устранение ея, оиѣ и окончания прилагательных — ыя „позволило бы всѣмъ вообще, грамотнымъ и учащимся, не тратить лишняго вниманія на письмо“ (Къ теоріи правописанія, стр. 118; ср. ibid, стр. 115 — 117. — Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію, стр. 29).

[2]) К. Житомірскій. Молохъ XX вѣка. Стр. 205.

весьма часто не совпадают, то вся задача правописания сводится к нахождению более удобного компромисса". С этой точки зрения и нужно посмотреть на вопрос. Читать по новому правописанию, — уверяют нас, — будет труднее. Приводя это возражение, чаще всего просто опираются на впечатления грамотного, который уже прочно свыкся со старой системой письма. „Лес" вм. „лѣсъ" есть, — говорят, — нечто чудовищное для нашего глаза. „Вѣдь правописаніе", — доказывает проф. А. И. Томсон, — „существуетъ не только на бумагѣ, но и въ нервахъ зрительныхъ, рукодвигательныхъ письма, отчасти акустическихъ, а также въ рукодвигательныхъ мускулахъ каждаго грамотнаго русскаго человѣка". „Буква ѣ, напр., существуетъ не только на бумагѣ, но, такъ сказать, въ нервныхъ путяхъ и мускулахъ руки. Ее можно изгнать на бумагѣ, но не въ насъ самихъ". Если я привык видеть и писать „мѣлъ", то начертание „мел" не вызовет в моем сознании того образа, который обозначается словом „мѣлъ" [1]).

Рассуждения вполне справедливые и научные. Грамотный человек хранит в своей памяти и „нервах" известные образы слов. Если в читаемом тексте нет никаких отступлений от привычных для него начертаний, то читается легко и быстро, и мышление не встречает на своемъ пути никаких задержек. На этом между прочим основывается наше общее требование, чтобы орфография была единой, для всех обязательной системой [2]). Но ведь вся приведенная аргументация относится к психологии грамотного человека, пишущего по старой

---

[1]) Къ теоріи правописанія. Стр. 105, 125, 73. — Ср. в брошюре „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 5—8, 10—11, 13—14. — „Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія", стр. 17—18.

[2]) Научные данные, касающиеся процесса чтения, были приняты во внимание московским докладомъ („Вопросы воспитанія и обученія. Труды Педагогическаго О-ва. В. I. Гл. III доклада). Проф. Томсон ни в книге „Къ теоріи" ни в брошюре „Реформа" ничего нового нам не сообщил. Лично мне приходилось касаться этого вопроса дважды: в статье „Вопросъ объ упрощеніи р. орфографіи" (В. Восп., 1904, № 6) и в статье „Языкъ и правописаніе" (газета „Русь", 1904, № 129). Ср. также в книге г. Житомирского „Молохъ XX вѣка", гл. III. — Общая литература о процессе чтения указана мною выше, на стр. 5.

орфографии. Тот, кто будет учиться по новому правописанию, приобретет свои навыки: начертания слов (их графические образы) будут рисоваться ему иначе, связь (ассоциации) написанных слов с соответствующими понятиями у него будет другая, и, наконец, его нервные и мускульные привычки также будут не те, что у предыдущего поколения. Значит, сказанное до сих пор проф. Томсоном само по себе еще не служит доказательством против нового правописания. Напротив, нельзя не видеть, что даже по отношению к процессу чтения новое правописание представляет свои выгодные стороны. При чтении, как и при письме, мы отчасти производим этимологическое расчленение слов (на корни, суффиксы, окончания и приставки). „Вот почему", рассуждает Д. Н. Ушаков [1]), „для усвоения письма и для чтения — легче, если эти одинаковые части пишутся одинаково, напр., легче, если окончание род. п. прилагательных писалось бы только ого или только аго (или как-нибудь еще иначе, но однообразно);... легче и для того и для другого, если бы пріуральскій писалось приуральскій, как и приморскій" и пр. Соображения в пользу „ого" находим и у самого проф. Томсона [2]). Поэтому едва ли можно категорически утверждать, что „ни неточности, ни непоследовательности правописания не затрудняют грамотного ни в письме, ни в чтении" [3]).

Но в распоряжении проф. Томсона есть еще довод и притом весьма существенного свойства. В новом правописании сглажены те сигнальные приметы, с помощью которых старая орфография различала сходные в звуковом отношении, но различные по значению формы („въ полѣ" и „въ поле", „свѣжѣе" и „свѣжее", „ее" и „ея"), слова („миръ" и „міръ") и роды слов (с помощью окончаний — ые и — ыя). На этом с особенной силой настаивает проф. Томсон, имея в виду удобства „вполне грамотного" при „быстром чтении". Нужно сказать, что мысль о „дифференціаціи въ письмѣ" — один из самых интересных пунктов его

---

[1]) Русское правописаніе. Изд. 2-е. Стр. 81.

[2]) Къ теоріи правописанія, стр. 42, 93. Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію, стр. 28.

[3]) Д. Н. Ушаковъ, Русское правописаніе. Стр. 78.

аргументации [1]). Особенную важность проф. Томсон придает дифференциациям формальным („въ полѣ — въ поле“ и т. п.). Вполне грамотный человек,—рассуждает он,—пишет и читает „не отдѣльными буквами, а обыкновенно морфологическими частями слов“. Поэтому важно, чтобы одни и те же морфологические части слов всегда изображались одними и теми же начертаниями, и, наоборот, чтобы известное начертание относилось только к определенной морфологической части. С точки зрения принципа морфологической дифференциации проф. Томсону дорог и конечный ъ. „Знаком твердости“ он является только для фонетического письма; для морфологического же он — „признакъ грамматическихъ категорій“ [2]).

Значит, вопрос о дифференциации в большинстве случаев переходит в вопрос об отношении принципов фонетического к этимологическому или, точнее, в вопрос об отношении живой этимологии к этимологии исторической (мертвой).

Идеальное требование, выставленное проф. Томсоном относительно начертания морфолигических частей слова, в действительности строго не соблюдается, да, очевидно, и не может соблюдаться. Если взять даже самые простые и яркие случаи, то ведь ѣ служит приметой не только предложного падежа, но и дательного (на стѣнѣ — къ стѣнѣ); ъ стоит в нескольких падежах; начертания окончания имен. и вин. падежей у большинства существительных сходны; у имен одушевленных форма родительного п. употребляется и в качестве винительного; слова „печь“, „стекло“, „стихъ“ и т. п. могут быть и существительными и глаголами. Никому не приходит в голову бороться с этим явлением и углублять „дифференциацию“, хотя с помощью разных искусственных мер это было бы возможно [3]). Дело в том, что „наше письмо

---

[1]) Къ теоріи правописанія, стр. 59 — 63, 92 —93, 97. — Ср. также „Русское правописаніе“ Д. Н. Ушакова (изд. 2-е), гл. VIII.

[2]) „Къ теоріи правописанія“, стр. 86. — „Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія“, стр. 19.

[3]) Г. Житомирский не без остроумия придумывает разные случаи такой дифференциации: „Молохъ XX вѣка“, 92 — 3, 154. — „Для дифференціаціи, понятно, никто не сталъ бы вводить новыхъ буквъ“, замечает проф. Томсон (Къ теоріи правописанія, стр. 59). Более того, на стр. 94 книги „Къ теоріи правописанія“ читаем: „Что касается устраненія одного изъ двухъ

все-таки въ основаніи звуковое", как верно говорит тот же проф. Томсон („Къ теоріи", 93), и поэтому неизбежно подчиняется свойствам самой речи. Решающими моментами для нас должны быть фонетика и живая этимология языка.

„Значеніе слова", писал знаменитый русский ученый, Потебня, „возможно только въ рѣчи", и потому, „если, при сохраненіи грамматической категоріи, звукъ, бывшій ея поддержкой, теряется, то это значитъ, что мысль не нуждается болѣе въ этой внѣшней опорѣ, что она довольно сильна и безъ нея, что она пользуется для распознаванія формы другимъ болѣе тонкимъ средствомъ, именно знаніемъ мѣста, которое занимаетъ слово въ цѣломъ, будетъ ли это цѣлое рѣчью или схемою формъ" [1]). Это явление не есть регресс языка, а признак его совершенствования.

Должно-ли письмо в этом случае отражать факты живой этимологии, чтобы давать о них подлинное, а не искаженное представление? Проф. Томсон, очевидно, ответит отрицательно. Ведь, по его мнению, „къ письменному языку нельзя прилагать мѣрки устнаго языка", так как „отчасти и цѣли, всегда же средства у писаннаго языка другія, чѣмъ у устнаго, притомъ болѣе ограниченныя и болѣе несовершенныя" [2]). Для психологии чтения важно-де, чтобы на письме разные формы отличались друг от друга и во всяком случае были отмечены особым знаком. Конечный ъ, напр., в словах „рукъ", „домъ" „возбуждаетъ быстрѣе то синтаксическое понятіе объ отношеніяхъ между словами, которое менѣе быстро и ясно вытекаетъ логически изъ одного отсутствія всякаго окончанія. Слѣдовательно, благодаря ъ мы въ состояніи быстрѣе и съ болѣе яснымъ пониманіемъ читать" [3]).

Если иметь в виду отношение письма к живой этимологии, то защищаемый проф. Томсоном исторический консерватизм письма может повести, особенно в школе, к ложным

і, и, то конечно дифференціація въ письмѣ между однозвучными словами (миръ — міръ) не можетъ оправдать существованія двухъ буквъ для одного звука, хотя однако этой дифференціацією вполнѣ пренебрегать нельзя".

[1]) А. Потебня. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изд. 2-е. Стр. 32, 58.

[2]) Къ теоріи правописанія, стр. 60.

[3]) Необходима реформа не правописанія, стр. 19.

грамматическим представлениям. Не лишено значения замечание г. Житомирского как раз относительно конечного ера, что, „благодаря правописанию только, школа внушает ложную мысль, что у нас существуют мягкие и твердые склонения“ [1]). И вообще в частом уклонении правописания от фонетических законов лежит причина того, что наше письмо „прямо парализует рациональное изучение фонетики языка“ [2]). Да и проф. Томсон „благопріятствующимъ обстоятельствомъ“ признает „такое фонетическое состояніе языка, при которомъ морфологическое письмо не перестаетъ быть по возможности и фонетическимъ, какъ въ русской орѳографіи“ [3]). Г. Житомирский решительно говорит [4]): „...Нужно же уяснить себе ту простую истину, что если устная речь (произношение) не боится смешения однозвучных, но разнозначных форм, то и на письме нет надобности придумывать способы их различения. Это все та же наивная филология, которая боится смешения перà с английским пэром, но не замечает троякого значения слова „засыпать“ (засыпáть яму, засы́пать яму, засыпàть ночью)“. Мы должны ценить всякую законную возможность выдвигать фонетический принцип, как коренной в нашем письме, и очищать живую этимологию от исторических наростов.

Проф. Томсон слишком заботится об интересах вполне грамотного читателя и притом неизбежно думает больше о тех, кто вырос на ятях и ерах.

Мы не отрицаем, что „письменный язык“ имеет свои особенности и свои права. Конечно, дифференциация представляет известные удобства для вполне грамотного человека при быстром чтении, но выгода эта не столь велика, чтобы ради нее можно было не останавливаться ни перед чем. Когда приходится выбирать между интересами неграмотных и вполне грамотных, то справедливость требует отдавать предпочтение первым [5]).

---

[1]) Молохъ XX вѣка, стр. 211—212. См. также „Общій курсъ русской грамматики“ проф. В. А. Богородицкого, изд. 3-е, стр. 160—161.

[2]) Молохъ, стр. 210 и сл.

[3]) Къ теоріи правописанія, стр. 72.

[4]) Молохъ XX вѣка, стр. 172.

[5]) „Въ чтеніи и писаніи всѣхъ не вполнѣ грамотныхъ звуковая сторона является существенной составной частью“,— говорит проф. Томсон („Къ теоріи правописанія“, 93).

Грамотному да еще вполне грамотному всегда легче преодолевать недостатки письма.

В частности различие форм и значений слов в связной фразе, как в устной речи, так и на письме обыкновенно для нас не представляет особенных трудностей. При чтении все поймут одинаково предложения: „Крестьянин работает в поле", „Крестьянин поехал в поле", и пр. Если же мы имеем основание опасаться, что нас нехорошо поймут, то нужно или перестроить неудачную фразу, или поставить ударение (свéжее, свежéе), или написать ё (всё — все). Не может быть недоразумения в понимании даже таких предложений: „Собрались здесь всё сильные люди" и „Собрались здѣсь все сильные люди". Разумеется, это — некоторое осложнение письма, но такие приемы практиковались всегда, и прибегать к ним приходится сравнительно редко [1]).

Приговоры нужно выносить, сообразуясь со всеми имеющимися данными. Не отрицая вовсе значения дифференциации, мы на другую чашку весов кладем те бесспорные достоинства, какими отличается новое правописание как при первоначальном обучении грамоте и письму, так и при дальнейшем пользовании им.

Для полноты доказательств, отмечу еще те соображения, которые были высказаны в интересах поэтов. В. Я. Брюсов, не сомневаясь в том, что „ѣ утратила свой особый выговоръ", однако оговаривается: „хотя и не окончательно; напримѣръ, неударяемыя *ѣ* и *и* рифмуются гораздо благозвучнѣе, чѣмъ *е* и *и*: так, гораздо благозвучнѣе срифмовать „на волѣ" и „доли" чѣмъ „поле" и „доли", но это, конечно, мелочь"! [2]) О том же говорит нам и г. Андрей Семенов-Тянь-Шанский [3]): „многія рифмы художниковъ Пушкинской школы немыслимы безъ общепринятаго понынѣ начертанія, котораго онѣ по природѣ своей требуютъ." Совершенно верно: у Пушкина и его современников можно встретить рифмы с необычным для нас

---

[1]) Если не подбирать искусственных и часто совершенно нелепых фраз, как это обыкновенно делают противники нового правописания.

[2]) Вечерняя газета „Время", 1917, № 953, от 31 мая.

[3]) Статья „Легализація безграмотности" в газете „Утро Россіи", 1917, № 142, 10 июня.

произношением (е*я* вм. е[1]), часто „онѣ", как, с другой стороны, встречаются и необычные для нас ударения („музы́ка"). Разумеется, все это должно быть свято сохранено и в изданиях по новому правописанию. Никто не осмелится также на ограничение свободы и современных нам поэтов. Только мы полагаем, что в момент творчества поэт прежде всего с л ы ш и т „рифмы звонкие", а не видит их в определенном орфографическом наряде. Мысль об особой природе именно ятя в рифме „на волѣ" есть уже плод рассуждения и подсказана своего рода гипнозом буквы. Если позволительно писать „на земле", то этимологически следует писать и „на воле", причем последнее звучит так же, как „на волѣ", но, конечно иначе, чем „поле". Это — „мелочь" для поэта, говорит В. Я. Брюсов; правописанию тем более не угоняться за этими оттенками. Правописание, предназначенное для общего пользования, должно ограничиваться лишь крупными звуковыми отличиями [2]).

Итак, взвесивши вопрос с разных сторон, мы в праве сказать, что новое правописание легче старого как при усвоении, так и при пользовании, как в процессе письма, так и в процессе чтения и, кроме того, дает более точное представление о фактах языка.

5) Наконец, нам указывают на те о с л о ж н е н и я, которые вызываются орфографической реформой, которые делают ее не только трудной, но и нежелательной.

---

[1]) Так, у Пушкина (однако в виде редкого исключения) находим: „На крик испуганный *ея* Ребят дворовая семья Сбежалась шумно". Вероятно, это — наследие XVIII в. В „Душеньке" Богдановича, напр., мы также читаем: „Но не было у ней кинжала, Ниже какого острія, Удобнаго пресѣчь несчастну жизнь ея". Кстати сказать, у того же поэта („Ода въ честь красоты") встречаем: „И насладиться дай пріятностьми ее, Пока не обратитъ ихъ смерть въ небытіе". Равным образом у Державина („Изображеніе Фелицы"): „поступь напиши ее" (рифма — „свое").

[2]) Дорожа эстетикой письма, В. Я. Брюсов высказывает пожелание, чтобы, с упразднением конечного ъ, изменили фигуру всех конечных согласных (б, в, г и т. д.) так, „чтобы онѣ могли дѣйствительно заканчивать собой слово, сохраняя ему графическую красоту". Эта „графическая красота" — не есть нечто абсолютное, и, когда глаз привыкнет к отсутствию ера или ятя, то и новые начертания приобретут свою условную „красоту" и во всяком случае не будут резать глаза.

„Вѣдь всякая реформа", говорит проф. Томсон [1]), „даже самая безупречная, неминуемо нарушая единство правописанія, разрушаетъ основное достоинство его и повергаетъ общество, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, до извѣстной степени въ состояніе малограмотности". Настанут „орфографическое бѣдствіе и полуграмотность" [2]). Произойдет орфографический раскол и орфографическая анархия: одни будут писать так, другие иначе; одни книги будут печататься поновому, другие — постарому. Домашние библиотеки, „составленныя нерѣдко на послѣдніе гроши въ наслѣдство дѣтямъ", окажутся негодными, что вызовет „небывалый разладъ между семьей и школой". Своего рода борьба „отцов и детей" [3]).

Разумеется, никто из нас не станет утверждать, что орфографическая реформа пройдет мгновенно и единодушно. Переходный период должен быть; орфографической неурядицы не избежишь [4]). В течение некоторого времени будет нарушено „единство правописанія", и это, конечно, одно из нежелательных явлений. Но ведь рано или поздно волнение уляжется, орфография „отстоится" и по-прежнему будет единообразной системой. Самое переходное состояние нельзя квалифицировать как „малограмотность" (выше я уже установил понятие „грамотности"). А главное — нельзя же отказываться от всякой, „даже самой безупречной" реформы только потому, что ее осуществление будет сопровождаться известными трудностями. Ведь сама собою орфографическая реформа совершиться не может: на незаметные и бессознательные изменения расчитывать не приходится (ср. выше, пункт 3-й). Раз мы признаём реформу „безупречной" или, по крайней мере, важной, надо смело идти навстречу всем трудностям и заботиться лишь о том, чтобы по возможности устранять и смягчать их [5]).

---

[1]) Къ теоріи правописанія. Стр. 81.

[2]) Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Стр. 12.

[3]) Къ теоріи правописанія. Стр. 120—122.—Реформа, стр. 25—26.

[4]) Проф. Томсону она кажется особенно значительной еще и потому, что, по его представлению, одновременно будут бороться несколько проектов. Это во всяком случае не должно иметь места.

[5]) „Возникнет смута", писал сельский учитель президенту Академии, „но она будет только временная: год, два, десять, двадцать лет, но ведь

Тут существенным является вопрос о книгах. Если вводить новое правописание, то придется „перепечатывать“ все книги. „А чтобы церковно-славянскія книги не смущали совѣсти „упрощенныхъ“ писателей своими ѣ и ъ-ами“, глумился проф. Будилович, „окажется, пожалуй, необходимымъ перепечатать по новому правописанію Часословъ, Псалтирь, вообще весь кругъ богослужебныхъ книгъ, а затѣмъ Четь-Минеи и другія старыя книги, до древнихъ лѣтописей и грамотъ включительно“. Привожу эту цитату для того, чтобы показать, к каким жалким приемам полемики прибегали иногда наши противники.

„Перепечатывать“, конечно, нет никакой надобности. Человек, учившийся по новой орфографии, без труда может пользоваться книгами, напечатанными по старой или, вернее, по старым орфографиям. Но, конечно, новые книги нужно печатать поновому, особенно книги учебные и детские. Желательно, чтобы книга не мешала учащимся усваивать письмо. Но не следует и преувеличивать этого педагогического требования. Проф. Томсон в значительной степени прав, когда говорит, что „нельзя научиться писать посредствомъ чтенія“, что „чтеніе по печатному не даетъ намъ ничего или почти ничего для писанія“ [1]). Не беда, если некоторое время учащиеся будут писать поновому, а в книгах будут видеть и новую и старую орфографию. Тем более что это раздвоение постепенно должно исчезать, по мере успехов орфографической реформы [2]).

России не 20 лет существовать; мы верим, что Господь дарует ей еще многие тысячи лет жизни“ (Протоколъ перваго засѣданія комиссіи по вопросу о р. правописаніи. Спб., 1905. Стр. 59).

[1]) Къ теоріи правописанія. Стр. 153, 154. Впрочем, это не помешало проф. Томсону защищать и противоположный принцип — ibid., 120 — 1. — Проф. В. А. Богородицкий также придает решающее значение тому обстоятельству, что „было бы невозможно изъять изъ пользованія всю прежнюю литературу, а эта послѣдняя своими старыми написаніями препятствовала бы твердому усвоенію новой орѳографіи“ („Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку“, изд. 3-е, 1910 г. Стр. 143, прим.). — Ср. статью М. С—ова „Объ укрощеніи строптивой“ в журнале „Для народнаго учителя“, 1907, кн. 9, стр. 13.

[2]) Специальная комиссия Государственного комитета по народному образованию в июне текущего года имела совещание с представителями начальной школы по вопросу о возможности приступить к орфографической реформе немедленно же, когда в их распоряжении еще нет ни букварей,

С другой стороны, все мы, сроднившиеся со старой орфографией, очень быстро освоимся с книгами, напечатанными по новому правописанию (если даже сами мы писать будем по старому). Только полемическое предубеждение заставляет проф. Томсона утверждать, что новые книги мы будем читать „съ трудомъ и вслухъ, какъ малограмотные“ [1]). Опять, в противоположность проф. Томсону, сошлюсь на г. Житомирского, который говорит: „Если хоть четвертая часть печатного слова появится с новой орфографией, то через несколько месяцев читатели не смогут припомнить, какой орфографией была напечатана прочитанная ими на днях книга или газета... Само собою понятно, что учиться читать неоорфографическую печать вовсе не придется: это — дело нескольких минут“ [2]).

Мало того, я решаюсь утверждать, что, если грамотный человек „переучится“ даже писать и сам станет употреблять новую орфографию, то, право, никакой орфографической драмы тут не произойдет. Достаточно нескольких дней, чтобы вполне овладеть особенностями нового письма: настолько они рациональны и просты.

Отвергнув мысль о необходимости „перепечатки“ всех книг, я в сущности коснулся еще одного довода, который выдвигают в связи с осуществлением реформы. Это—ссылка на финансовое положение страны. Слышать ее приходилось и раньше, но особенно настойчиво повторяется она теперь, когда Россию ожидает чуть не финансовый крах, и когда стоимость бумаги и печатания достигла небывалых размеров.

Грустно бывает читать подобные доводы. Предпосылки сами по себе верны, и печальные факты налицо. Но прискорбно то, что, по нашей закоренелой привычке, мы легко миримся с положением народного образования как бы на задворках

ни книг для чтения, напечатанных по новой орфографии. Прекрасно сознавая связанные с этим трудности, они единодушно высказались за немедленную реформу.

[1]) Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Стр. 11—12.

[2]) Молохъ XX вѣка. Стр. 241—2. — Если позволительно ссылаться на собственный опыт, то сам я без всяких затруднений читал статьи (напр., Вл. А. Трофимова в журн. „Учитель и Школа“ за 1914 г.) и книги (напр. „Психологию“ Т. Д. Фаддеева 1913 г.), напечатанные по новому правописанию. Не следует только искусственно направлять своего внимания на орфографию читаемого.

нашей жизни. На всё другое деньги у нас находятся, а на народное просвещение — жаль. Тут мы благоразумно начинаем вспоминать о государственной экономии, о финансовых затруднениях страны. Этот мотив так был понятен в устах старого правительства. Свободной России следовало бы раз навсегда отказаться от этой ложной системы.

Но, если уж становиться на почву финансовых выкладок, то я сказал бы следующее. „Перепечатывать" ничего не надо, печатать нужно. Печатать, действительно, и трудно, и дорого. Но убыточнее ли это дело? Пусть вычислят те материальные выгоды, которые сулит нам реформа: во-первых, удаление одного конечного ера, дающее нам около 8% экономии [1]); во-вторых, огромное сбережение времени, которое до сих пор уходит на непроизводительную работу над орфографией (а время — деньги) и, в-третьих, культурный подъем в народных массах, чему, без сомнения, будет содействовать орфографическая реформа [2]). Полагаю, все эти выгоды в своей совокупности перевешивают те материальные затраты, а, может быть, жертвы (если говорить об интересах издателей и авторов), которых потребует реформа. В

---

[1]) Проф. Томсон оспаривает эту цифру, да и весь аргумент считает слабым, так как, по его мнению, читать с ером легче, и, значит, „читатель выигрываетъ время отъ присутствія буквы ъ". Так обр. „въ общемъ получается не трата времени, а выигрышъ его. Для болѣе точнаго опредѣленія этого выигрыша нужны сложные психологическіе опыты" („Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія", стр 19—20). — Г. Житомирский считает, что „конечное ъ въ нашей письменности составляет $6\frac{1}{2}$% всего числа букв, или $\frac{1}{15}$ всего письма". Значит, затрата труда и материала на напечатание книг уменьшится на $6\frac{1}{2}$%. „Считая в типографиях 300 рабочих дней в году, мы видим, что без ущерба для дела рабочий мог бы иметь, при сохранении нынешних затрат, ежегодно каникулы в 20 дней, когда он мог бы, вместо свинцовой пыли, дышать свежим воздухом, или рабочий день мог бы быть сокращен на $6\frac{1}{2}$%, т. е. на 30—40 минут". (Молохъ XX вѣка. Стр. 225 — 226).

[2]) „Скольким тысячам детей вмѣсто хлѣба образованія дается камень правописанія!" говорит г. Житомирский: „Сколько безполезных затрат на этого ненасытного бога! Мы этих затрат не замечаем, но оне гораздо значительнее — если перевести их на деньги — чем военная контрибуция, уплаченная французами Пруссии въ 1870 году" („Молохъ XX вѣка", стр. 224 — 5). Свою мысль автор подтверждает „некоторыми выкладками". — Ср. выше на стр. 10-й соображения С. В. Сперанского по поводу общеземской анкеты 1911 г.

противоположность своим оппонентам, я сказал бы: „мы слишком бедны, чтобы отказываться от насущной реформы".

Реформа значительно облегчит положение миллионов детей и тех взрослых, которые обучаются грамоте и лишены счастья непрерывно учиться ряд лет, не заботясь об экономии своих сил и времени. Мы не можем разделить того высокомерного взгляда, который звучит в речах нашего главного противника, проф. Томсона. „Странно подумать, чтобы не сказать больше", пишет он, „что для мизерныхъ удобствъ школьной рутины и мнимаго облегченія азбучниковъ всѣ носители культуры государства должны отказаться отъ привычнаго языка, и чувствовать себя заживо погребенными съ своимъ вымирающимъ письменнымъ языкомъ и со всѣми существующими книгами" [1]). Нельзя не пожалеть людей „заживо погребенных", но вина лежит на них самих: жизнь имеет свои законы и требует движения, и прежде всего в интересах тех, кого проф. Томсон пренебрежительно называет „азбучниками". Если мы, в самом деле, дорожим русской культурой, то для нас далеко не безразлично самое количество грамотных людей в стране. Письмо, которое подсилу только меньшинству, имеющему возможность тратить на учение 10 — 15 лет, является для большинства настоящим барьером на пути к образованию. С этим мы не можем и не должны мириться, тем более что „упрощение" достигается без всякого ущерба для достоинства языка и письма, с полным соблюдением гарантий научности.

---

[1]) „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 22. — В брошюре „Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія" (стр. 18) проф. Томсон не обинуясь приравнивает „полуграмотныхъ и школьниковъ" к „иностранцам": „Какъ для иностранцевъ никакой народъ не передѣлывалъ своего устнаго языка, такъ и для школьниковъ грамотное общество никогда не передѣлывало своего писаннаго языка". Странная аналогия, и странное вообще противопоставление интересов школы интересам общества (ср. в книге „Къ теоріи правописанія", стр. 123).

Порядок осуществления реформы.

Остается рассмотреть последний вопрос, как осуществлять орфографическую реформу, чтобы она прошла возможно быстрее и успешнее.

По словам противников, предлагаемая реформа ведет к очень значительной ломке существующего правописания, и уже по одному этому во всем своем объеме она неосуществима. „Создать новое правописаніе можно только въ ту эпоху народа, когда печатная литература и народная грамотность находятся еще въ зародышномъ существованіи“ [1]). Так было у нас во времена Петра Вел. „Въ такое малограмотное время дѣйствительно письмо передаетъ звуки живой рѣчи и потому его можно безъ посягательства на личность передѣлывать“ [2]). Теперь, слава Богу, другое время и другой уровень просвещения. Теперь возможна только орфографическая эволюция, а не революция. „Одновременно можно пустить въ ходъ только одно или нѣсколько незначительныхъ измѣненій. Пока они распространяются въ обществѣ и печати, никакихъ другихъ отступленій не должно допускаться“. За обществом пойдет и школа. „По окончательномъ проведеніи и регламентаціи одного измѣненія можно тѣмъ же путемъ приступить къ проведенію другого. При такихъ условіяхъ очевидно предложенныхъ нынѣ упрощеній хватитъ на цѣлое столѣтіе, если не больше“. „Окончательная санкція въ этихъ вопросахъ должна лежать на обязанности призванныхъ къ тому постоянныхъ учрежденій, какъ, напр., академіи наукъ, въ связи съ соотвѣтствующими министерствами, имѣющими въ своемъ вѣдомствѣ учебныя заведенія“ [3]).

Таков — идеальный план проф. Томсона. Он обладает одним несомненным достоинством: „на цѣлое столѣтіе, если

---

[1]) Проф. А. И. Томсонъ. „Къ теоріи правописанія“. Стр. 77.

[2]) Его же. „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію“. Стр. 12. Того же взгляда держится и проф. В. А. Богородицкий („Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку“, изд. 3-е, стр. 143, прим.).

[3]) Къ теоріи преподаванія. Стр. 137—138. Ср. ibid., 138—140, 127. — Ср. в брошюре „Реформа“, стр. 27 — 28.

не больше" обеспечивает нам легкий и покойный процесс орфографического обновления. Но, к сожалению, назвать его бесспорным нельзя. Такая перманентная и планомерная эволюция практически неосуществима. Кто-то в течение „целого столетия, если не больше" должен быть на страже орфографической реформы и осуществлять ее по одному твердо принятому плану, во-время должен решать, прочно ли усвоено одно нововведение, и не пора ли пустить в оборот другое. Я с трудом представляю себе такой орфографический орган. Загадывать на целый век вообще не в наших силах. К тактике проф. Томсона может присоединиться лишь тот, кто в сущности желает похоронить всю реформу [1]).

Кроме того, если бояться осложнений, какие влечет за собой орфографическая реформа, так уж лучше разом пережить недуг. Пусть организм правописания испытает неизбежное потрясение, переболеет, ассимилирует новые элементы и окрепнет для дальнейшего, более совершенного, служения русскому народу.

Предлагая этот путь, мы вполне разделяем указание наших оппонентов на то, что новое правописание не должно вводиться насильственно, посредством репрессивных мер сверху. На этой точке зрения сторонники реформы никогда и не стояли, хотя им не раз бросался подобный упрек. Московское Педагогическое Общество, представляя в 1901 г. свой доклад министерству нар. просвещения, одновременно ходатайствовало о созыве всероссийского орфографического съезда. В ходатайстве этом было отказано. Тогда реформаторы, в продолжение всех последующих пятнадцати лет, не упускали случая пропагандировать свою идею и подвергать ее гласному общественному суду. Поскольку речь идет о педагогических кругах, отношение к реформе определилось с полной ясностью: учащие не только сочувствуют ей, они требуют введения нового правописания. Можно думать, что теперь даже проф. Томсон не станет повторять того, что говорил

[1]) Впрочем, А. В. Годнев, безусловный сторонник самой идеи реформы, усиленно хлопочет о том, чтобы новшества как можно меньше беспокоили глаз грамотного человека, и, напр., предлагает весьма сложную систему постепенного упразднения ятя („Проектъ легко осуществимой реформы русскаго правописанія", стр. 24—32).

в 1903—1904 гг., будто лучшая часть учительства „открещивается“ от реформы, как от нехорошего дела. Вопреки его опасениям [1]), мы не сомневаемся в „полной убежденности“ преподавательского персонала и верим в их единодушное желание принять новое правописание. Исключения будут крайне редки, судя по тому, как мало оказалось защитников старой орфографии на многолюдном съезде преподавателей русского языка в средней школе (в 1913—1914 гг.). А вот еще новый и весьма показательный факт. В июле текущего 1917 года, значит, уже после опубликования министерского распоряжения, в Москве происходил Первый всероссийский съезд учащих в высших начальных училищах. Участники съезда, собравшиеся с разных концов России в количестве около 600 человек, единодушно вынесли резолюцию, что съезд „горячо приветствует орфографическую реформу, важность и необходимость которой давно сознаны коллективной мыслью русского учительства, и выражает свою готовность содействовать проведению ее в жизнь уже с наступающего учебного года“ [2]).

Помимо педагогов, и общественные организации, как мы знаем, неоднократно высказывались за необходимость реформы. Наконец, в наши дни реформа поставлена на очередь с одобрения Государственного Комитета по народному образованию. А ведь в состав этого Комитета входят не только представители всероссийского учительского союза и академического союза, но также представители совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, кооперативов, всероссийского земского союза, всероссийского союза городов и исполнительного комитета Государственной Думы. Значит, общественное мнение выражено здесь довольно полно. Поэтому, нисколько не насилуя фактов, мы можем утверждать, что психологическая почва для реформы достаточно подготовлена,

[1]) Проф. А. И. Томсонъ. Къ теоріи правописанія. Стр. 122.

[2]) Покойный прив.-доц. А. С. Белкин высказывался в том смысле, что учителям должно быть предоставлено право держаться любой системы правописания. Как ни дорога педагогам свобода преподавания, но они не могут согласиться с Белкиным: орфография должна быть единообразной и общей для всех. Во имя этого принципа учащие мирились даже с „гротографией“. И в данном случае те немногие, кто старое правописание предпочитает новому, не откажутся от обучения последнему. У педагогов достанет на это внутренней дисциплины и сознания долга.

что общее сочувствие ей обеспечено, и — пора приступать к делу. Фундамент заложен довольно глубоко — пора возводить самое здание.

С чего же начинать, если мы хотим вести работу планомерно?

Мысль прежде всего останавливается на школе. Самая идея реформы созрела в недрах школы. Учащиеся наиболее заинтересованы в реформе и психологически наиболее способны ее воспринять: не говоря уже об „азбучниках", учащиеся более или менее свободны от гнета орфографических традиций. Кроме того, школа есть организованная единица, допускающая также организованное воздействие извне.

Реформу естественно проводить снизу, со школ грамоты. Так и посмотрели на дело министерство народного просвещения и Государственный Комитет по народному образованию. На последующих ступенях школы новая орфография не обязательна, а только желательна. Принудительное переучиванье во всяком случае недопустимо. Но едва ли можно сомневаться в том, что учащиеся начальных и средних школ очень охотно и быстро усвоят новое правописание.

Мы помним, что против этого в свое время возражали проф. А. С. Будилович, А. С. Белкин, проф. А. И. Томсон. Последний развил, кажется, исчерпывающую аргументацию [1]). Одни аргументы отпали сами собою (нежелательность принуждения), на другие мною уже был дан ответ (затруднение с книгами). Следует однако отметить еще одно соображение, которое очень выдвигает проф. Томсон. Школа, по его словам, „ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти впереди движенія измѣненія правописанія". Пусть сначала новое правописание будет „оффиціально узаконено и принято почти во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ и по крайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ общественныхъ учрежденій, повременныхъ и другихъ печатныхъ изданій и пр." [2]). А не то куда денутся школьники с своей новой орфографией? Ни

[1]) Къ теоріи правописанія. Стр. 119 и сл.—Резюмэ в брошюре „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію", стр. 24—26.—Ср. тоже в брошюре „Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія", стр. 22—3.

[2]) Къ теоріи правописанія, стр. 140.

один начальник государственного или частного учреждения не позволит, чтобы поступившие на службу молодые люди „портили бумаги и книги своей тарабарщиной“ [1]). Разумеется, было бы печально, если бы школа очутилась в изолированном положении. Но против этого уже приняты меры и будут приняты еще новые. Оффициальное „узаконение“ одного определенного проекта имеется, по крайней мере, со стороны министерства народного просвещения и состоящего при нем Государственного Комитета. Новое правописание будет введено „почти во всех государственных учреждениях“. Старое реакционное правительство систематически тормозило нашу реформу [2]). Теперь Россия имеет народное правительство: оно не может не сознавать важности реформы.

Г. Житомирский также боится в этом деле „вмешательства полиции“, „выражаясь фигурально, а может быть и нефигурально“, но вот что все-таки говорит он о порядке осуществления реформы: „Почин Академии должен выразиться не только в выработке новой системы правописания, но и в проведении принципов этой системы во всех своих изданиях. Правительство же должно оказать поддержку адоптированием этого правописания на первое время хотя бы только в периодической прессе правительственных органов („Правит. Вестник“, Журналы министерств); но без введения реформированного правописания в классы грамоты реформа в жизнь не проникнет. Но стоит только „звуковикам“ начать обучаться родному языку по букварям с новым правописанием, как в короткое время книжный рынок и периодическая пресса вынуждены будут сообразоваться с новыми потребностями“ [3]).

Очевидно, этот путь и нужно предпочесть.

Параллельно с ним продолжается работа с тою целью, чтобы взрослая и грамотная часть населения, в частности те, кто руководит „общественными учреждениями“, приняли новую орфографию. Нечего смущаться скептическими

[1]) „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію“. Стр. 26.

[2]) Ср. в книге г. Житомирского „Молохъ XX вѣка“, стр. 223—224.

[3]) „Молохъ XX вѣка“. Стр. 252 — 253. „Так как грамотность идет через школу, то естественно, что влияние могут иметь только реформы, идущие сверху“, говорится там же, на стр. 239.

доводами, которыми и тут запугивает нас проф. Томсон. „Допустимъ", пишет он [1]), „группа лицъ условилась печатать по новому. Кто ихъ будетъ читать? Гдѣ они будутъ печатать свои произведенія? Кто для нихъ будетъ писать по новому? Кто для нихъ перепечатаетъ существующія книги? На какой должности, государственной, общественной или частной службѣ они будутъ примѣнять свое письмо?" Хотя никакие законы российского государства не запрещают писать с ятем или без ятя, — но, конечно, фактически люди власть имущие могут наложить свой запрет на неугодную орфографию. Вопреки предсказаниям проф. Томсона, мы все-таки надеемся, что те, от кого зависит получение „должности" или „службы", не станут чинить искусственных препятствий из-за новой орфографии, что и среди них найдутся сочувствующие ей, что во всяком случае новаторы не останутся без издателей и читателей [2]).

Особую важность представляет для нас отношение периодической печати. Пока мы еще не слышали ее коллективного голоса. В отдельных газетных статьях, часто случайных сотрудников, рядом с дельными замечаниями по большей части мы встречали до сих пор то недоразумения, то ошибки, то фельетонные насмешки. Хочется думать, что серьезная печать съумеет высказать свой вдумчивый взгляд на дело. Осенью проектируется съезд журналистов, и было бы важно поставить на его разрешение также орфографический вопрос. Тогда, может быть, наша влиятельная пресса решится хотя бы с известной постепенностью перейти к новому правописанию [3]).

Для лучшего успеха реформы необходимо, наконец, образовать лигу нового правописания, которая занялась бы агитацией в широких кругах общества, особенно среди интеллигентной молодежи, и всячески содействовала бы проведению реформы в жизнь. „Россія", уверяет проф. Томсон,

---

[1]) „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію". Стр. 12 — 13.

[2]) Сторонникам реформы, напр., всегда приятно было видеть в своих рядах крупного общественного деятеля, инженер-механника, Н. Н. Алянчикова. В печати и на различных съездах он давно и горячо ратует за реформу, стоя на „чисто практической точке зрения".

[3]) К этому шагу уже призывал ее проф. П. П. Гензель в статье „Реформа правописанія" (Р. Вѣд., 1917, № 139, от 21 июня). А ранее многократно Н. Н. Алянчиков. Между прочим с соответствующим воззванием обращался он в свое время к московскому Съезду книгоиздателей.

„достаточно грамотна для того, чтобы отстоять свою грамотность“ [1]). Мы же полагаем, что наше общество достаточно грамотно для того, чтобы стать выше внешней грамотности и не возводить в святыню того, что̀ имеет лишь условное значение.

Во всяком случае судьба реформы теперь в наших руках. На развалинах погибшего абсолютизма создается свободная Россия. Сверху донизу перестраивается она на широких демократических началах. В такой момент не может остаться незатронутой ни одна сколько-нибудь значительная сторона народной жизни. Вопрос о народном просвещении приобретает ныне жгучую остроту. Ведь от степени культурности и сознательности масс зависит все наше будущее. На очереди — демократизация школы, демократизация знания. Ни наличность войны, ни революционное строительство не должны служить помехой для наших забот о народном образовании [2]). Предпринятая реформа правописания составляет органическую часть общего плана культурно-демократических преобразований. Недаром один учитель предлагал назвать реформированную азбуку алфавитом свободы.

Русский народ творит себе новую жизнь. Пусть же одним из актов его творчества будет новое правописание.

П. Сакулин.

---

[1]) „Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію“. Стр. 24.

[2]) Еще в 1907 г. А. В. Годнев (начальник симбирской мариинской гимназии) в своем „Проектѣ легко осуществимой реформы русскаго правописанія“ говорил (стр. 3): „Переживаемое нами время — революционной переоценки привычных народных взглядов и представлений, при том накануне введения всенародного обучения, является неповторяемо благоприятным для осуществления реформы нашей русской орфографии, вернее, русского условного писания, которое ошибочно называется правописанием“.